

Настоящая находка для всех, кто любит хорроры
и истории, исследующие темную сторону жизни.

Kirkus Review

ПАДЕНИЕ ЭЛИЗАБЕТ ФРАНКЕНШТЕЙН

КИРСТЕН УАЙТ

Лучшие молодежные хорроры

Кирстен Уайт

Падение Элизабет Франкенштейн

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уайт К.

Падение Элизабет Франкенштейн / К. Уайт — «Издательство АСТ», 2018 — (Лучшие молодежные хорроры)

ISBN 978-5-17-114291-9

Семнадцатилетняя Элизабет Лавенца, живущая в семье судьи Франкенштейна на берегу Женевского озера, отправляется на поиски его сына, молодого ученого. Виктор не подает о себе вестей с тех пор, как уехал учиться в университет. Элизабет, будучи единственной близкой подругой Виктора, готова поддерживать его во всем, ведь от младшего Франкенштейна зависит будущее девушки. Однако чудовищное открытие, от которого кровь стынет в жилах, а сердце замирает от ужаса, ставит Элизабет перед непростым выбором...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-114291-9

© Уайт К., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	29
Глава шестая	37
Глава седьмая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кирстен Уайт

Падение Элизабет Франкенштейн

*Посвящается Мэри Уолстонкрафт Шелли,
чье творение вот уже двести лет потрясает наше воображение
— и —
Всем, кто в своей собственной истории чувствует себя
второстепенным персонажем*

*Просил ли я, чтоб Ты меня, Господь,
Из персти Человеком сотворил?
Джон Мильтон, «Потерянный рай»¹*

¹ Перевод А. Штейнберга.

Часть первая

Как без тебя мне жить?²

Глава первая

Горе слабым

Молния распорол небо, прочертив в облаках вены и отмечая сердцебиение самой Вселенной.

Я удовлетворенно вздохнула. Дождь хлестал по окнам дилижанса, а раскаты грома заглушали стук колес, так что мы не слышали, а только почувствовали, как грунтовая дорога смежилась брусчаткой на окраине Ингольштадта.

Жюстина, спрятав лицо у меня на плече, дрожала, словно новорожденный кролик. Очередная белая вспышка осветила дилижанс, и мы чуть не оглохли от грохота такой силы, что в окнах задребезжали стекла.

– Как вы можете смеяться? – спросила Жюстина. До этого момента я не замечала даже, что смеюсь. Я погладила ее темные локоны, выбившиеся из-под шляпки. Жюстина ненавидела громкие звуки: хлопанье дверей. Грозу. Крики. В особенности крики. Но моими стараниями в последние два года крики ее не беспокоили. Как странно, что наше с ней жестокое прошлое – хотя в моем детстве жестокость закончилась намного раньше, – привело нас к таким разным результатам. Жюстина была самым искренним, самым любящим и добрым человеком из всех, кого я знала.

А я...

А я нет.

– Я не рассказывала, что в детстве мы с Виктором забирались в грозу на крышу дома, чтобы посмотреть на молнии?

Она помотала головой, не отнимая лица от моего плеча.

– Свет преломлялся, отражаясь от гор, обрисовывал их контуры... мы словно наблюдали за сотворением мира. А когда молнии сверкали над озером, они как будто появлялись разом и на небе, и в воде. Мы возвращались домой мокрые до нитки; просто чудо, что никто из нас не умер от простуды.

Я снова засмеялась, вспоминая, как это было. На моей коже – светлой под стать волосам – от холода проступал ярко-малиновый румянец. Виктор с прилипшими к бледному лбу темными локонами и неизменными кругами под глазами выглядел как сама смерть. Ну и парочка мы были!

– Как-то ночью, – продолжила я, почувствовав, что Жюстина немного успокоилась, – молния ударила в дерево в каких-то шестидесяти футах от того места, где мы сидели.

– Какой ужас!

– Это было изумительно. – Я улыбнулась и прижала ладонь к стеклу, чувствуя его холод сквозь белую кружевную перчатку. – Для меня это было свидетельством великого и ужасного могущества природы. Я как будто видела самого Бога.

Жюстина неодобрительно зацокала и, оторвавшись от моего плеча, бросила на меня сердитый взгляд.

– Не кощунствуйте.

² Названия всех частей и глав романа являются цитатами из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай». Здесь и далее, если не указано иное, цитаты даются в переводе А. Штейнберга.

Я показала ей язык, и она невольно улыбнулась.

– А что Виктор?

– О, с той ночи он несколько месяцев ходил как в воду опущенный. Как же он выразился? «Изнемогаю в юдоли невыразимого отчаяния...»

Улыбка Жюстины стала шире, хотя в ней проступило легкое недоумение. Прочесть ее было легче, чем любую из книг Виктора. Все они требовали глубоких знаний и пристального вчитывания, в то время как лицо Жюстины было иллюстрированным манускриптом – красивым, драгоценным и понятным с первого взгляда.

Я неохотно задернула штору на окне, загораживаясь от грозы ради ее спокойствия. Она не покидала дом у озера со времени последней нашей злополучной поездки в Женеву, когда на нас набросилась ее безумная, опустошенная горем мать.

– Если я видела в разрушении дерева красоту природы, то Виктор видел силу – силу, которая освещает ночь и изгоняет тьму, силу, способную одним ударом положить конец долгим векам жизни, – силу, которой нельзя овладеть и которую невозможно контролировать. Ничто не раздражает Виктора больше, чем то, что он не может контролировать.

– Жаль, что я не узнала его поближе, прежде чем он уехал учиться.

Я похлопала ее по руке – на ней были перчатки из коричневой кожи, которые мне подарил Анри, – и сжала ее пальцы. Ее перчатки были куда мягче и теплее моих. Но Виктор предпочитал, чтобы я носила белое. А я любила дарить Жюстине подарки. Она поселилась у нас два года назад, когда ей было семнадцать, а мне – пятнадцать, а каких-то два месяца спустя Виктор нас покинул. Она его почти не знала.

Его не знал никто, кроме меня. Меня это устраивало, но мне хотелось, чтобы они полюбили друг друга так же, как я любила их обоих.

– Скоро ты с ним познакомишься. Мы все – ты, я, Виктор... – Я осеклась, чуть не добавив «и Анри». Ни за что. – Мы снова будем вместе, и моя душа наконец успокоится.

За жизнерадостным тоном я скрывала страх, который преследовал меня с начала этой авантюры.

Я не могла допустить, чтобы Жюстина тревожилась. Эта поездка состоялась исключительно благодаря ее желанию сопровождать меня в качестве компаньонки. Судья Франкенштейн сразу же отклонил мою просьбу разузнать что-нибудь о Викторе. Думаю, он испытал облегчение, когда Виктор уехал, и отсутствие новостей его не пугало. Судья Франкенштейн всегда говорил, что Виктор вернется, когда будет готов, и мне не стоит об этом беспокоиться.

Но я беспокоилась. И еще как. В особенности после того, как обнаружила список расходов, первым пунктом которого значилась я. Он проверял траты на меня – несомненно, скоро он решит, что держать меня в доме больше не выгодно. Я слишком хорошо потрудились над Виктором. Я выпустила его в мир, и мои услуги были его отцу больше не нужны.

Я не позволю себя выбросить. После стольких лет усердной работы. После всего, что я сделала.

К счастью, судью Франкенштейна призвали какие-то таинственные дела. Я не стала спрашивать разрешения снова... и просто уехала. Жюстина этого не знала. Ее присутствие позволяло мне свободно перемещаться, не вызывая подозрений и осуждения. За Уильямом и Эрнестом, младшими братьями Виктора и ее подопечными, до нашего возвращения обещала присмотреть горничная.

Очередной раскат грома прогрехотал с такой силой, что отозвался у нас в груди.

– Расскажите мне, как вы познакомились с Виктором, – пискнула Жюстина, вцепившись в мою руку до боли в костях.

Женщина – не моя мать, а та, другая, – ущипнула меня и грубо, но умело прошлась гребнем по волосам.

Платье было мне велико. Рукава прикрывали запястья, как у взрослых, хотя мне пока еще полагалось носить детскую одежду. Зато платье прятало синяки на моей коже. Неделью назад меня поймали, когда я пыталась стащить с кухни немного еды. Опекуниша и раньше меня поколачивала, но на этот раз она избила меня до темноты в глазах. Следующие три ночи я пряталась в лесу, у озера, и питалась ягодами. Я думала, что она убьет меня, если найдет; она часто грозила это сделать. Но она придумала для меня другое применение.

– Только попробуй все испортить, – прошипела она. – Останешься со мной – пожалеешь, что не умерла при рождении вместе со своей мамашей. Эгоистка при жизни, эгоистка после смерти. Вот кто тебя породил.

Я вздернула подбородок, и она закончила причесывать мне волосы, которые теперь сияли, словно золото.

– Заставь их себя полюбить, – потребовала она, когда в дверь лачуги, которую я делила с опекунишей и ее четырьмя детьми, робко постучали. – Если они тебя не возьмут, я утоплю тебя в бочке с дождевой водой, как приبلудных котят.

На пороге стояла женищина, окруженная ослепительным ореолом солнечного света.

– А вот и она, – сказала моя опекуниша. – Элизабет. Одним словом, ангелочек. Родилась в благородной семье. Судьба украла у нее мать, гордыня заточила отца в тюрьму, а Австрия забрала себе ее деньги. Но ничто не смогло отнять ее красоты и доброго сердца.

Я не могла повернуться, потому что боялась, что не выдержу и наступлю ей на ногу или стукну ее кулаком за эту фальшь.

– Хочешь познакомиться с моим сыном? – спросила женищина. Ее голос дрожал так, будто боялась она, а не я.

Я с серьезным видом кивнула. Она взяла меня за руку и повела прочь. Я не оглядывалась.

– Мой сын, Виктор, всего на год или два старше тебя. Он не обычный ребенок. Он одаренный и пытливый мальчик. Но у него плохо получается заводить друзей. Другие дети... – Она замялась, как будто копалась в вазе с конфетами в поисках карамельки нужного цвета. – Они его боятся. Ему очень одиноко. Но я думаю, что подруга вроде тебя могла бы смягчить его характер. Как ты считаешь, Элизабет, ты справишься? Ты сможешь стать для Виктора такой особенной подружкой?

Дорога привела нас к их загородному дому. Я остановилась, потрясенная открывшимся мне зрелищем. Она потянула меня дальше, и я споткнулась, не сводя с дома зачарованного взгляда.

Раньше у меня тоже была жизнь. До лачуги с жестокими, злыми детьми. До женищины, вся забота которой сводилась к побоям. До голода, страха и холода, до грязной и тесной темноты, забитой странными телами.

Я с опаской дотронулась ногой до порога виллы, которую Франкенштейны арендовали на время отдыха у озера Комо. Я последовала за женищиной, разглядывая прекрасные зеленые и золотые комнаты, залитые светом из больших окон. Я оставила позади боль и очутилась в сказке.

Я уже бывала здесь раньше. Я оказывалась здесь каждую ночь, как только закрывала глаза.

Хотя я лишилась дома и отца больше двух лет назад, а детские воспоминания ненадежны, я знала это наверняка. Когда-то это была моя жизнь. Эти красивые и просторные – такие просторные! – залы украшали мое детство. Это была не конкретная вилла и не эта вилла в частности, а скорее общее ощущение. Ощущение безопасности в чистоте, уюта в красоте.

Мадам Франкенштейн вывела меня из тьмы назад к свету.

Я потеряла свои хрупкие и тонкие, как веточки, руки, покрытые синяками. Мое детское тело наполнилось решимостью. Я буду всем, в чем нуждается ее сын, если это вернет мне

мою прежнюю жизнь. Стоял ясный солнечный день, рука дамы на ощупь была мягче всего, к чему я прикасалась за последние несколько лет, а комнаты перед нами сулили новое будущее.

Мадам Франкенштейн повела меня по коридорам в сад. Виктор был один. Он стоял, сложив руки за спиной, и, хотя он был немногим старше меня, выглядел почти как взрослый. Я ощутила ту же застенчивую настороженность, что испытывала рядом с незнакомыми мужчинами.

– Виктор, – сказала его мать, и я снова уловила в ее голосе страх и волнение. – Виктор, я привела тебе подругу.

Он повернулся. Какой же чистый он был! Я устыдилась своего златанного платья, которое было мне велико. Хотя волосы у меня были чистые – опекуниа называла волосы моей лучшей рекомендацией, – я знала, что мои обутые в туфли ноги грязны. Он смотрел на меня, и я чувствовала, что он, конечно же, тоже об этом знает.

Он натянул на лицо улыбку так же, как я натягивала свои обноски: поерзав и покрутив ее туда-сюда, пока она худо-бедно не встала на место.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – сказала я.

Мы стояли неподвижно, а его мать смотрела на нас.

Я должна была как-то ему понравиться. Но что я могла предложить мальчику, у которого было все?

– Хочешь поискать птичье гнездо? – запинаясь, спросила я. В поиске гнезд мне не было равных, а Виктор не похож был на того, кто хоть раз в своей жизни забирался на дерево, чтобы посмотреть на гнезда. Большие я ничего придумать не смогла. – Сейчас весна, так что птенцы вот-вот начнут вылупляться.

Виктор сдвинул темные брови. А потом он кивнул и протянул мне ладонь. Я шагнула вперед и взяла его за руку. Его мать облегченно вздохнула.

– Ну, идите поиграйте! Только не отходите далеко от виллы, – напутствовала она нас.

Я повела Виктора из сада в зеленый весенний лес, окружавший поместье. Озеро было совсем рядом. Я чувствовала его, холодное и темное, при каждом дуновении ветра. Я медленно кружила вокруг деревьев, вглядываясь в ветви над головой. Я должна была найти обещанное гнездо. Это было мое испытание: если я справлюсь, то смогу остаться в мире Виктора.

А если у меня не получится...

И тут, словно сама надежда, свитая из веточек и земли, – гнездо! Сияя, я указала на него Виктору.

Виктор нахмурился.

– Оно высоко.

– Я могу до него достать!

Он окинул меня взглядом.

– Ты девочка. Ты не должна лазить по деревьям.

Я лазила по деревьям с тех пор, как научилась ходить, но от этих слов мне стало стыдно так же, как от воспоминания о своих грязных ногах. Я все делала неправильно.

– Может быть, – сказала я, теребя складки платья, – может быть, мне можно залезть на одно последнее дерево? Для тебя?

Он обдумал мое предложение и улыбнулся:

– Ладно.

– Я пересчитаю яйца и скажу, сколько их!

Я уже карабкалась вверх по стволу. Я мечтала сбросить туфли, но мысль о грязных ногах меня останавливала.

– Нет, спусти гнездо сюда. Я остановилась на полпути.

– Но, если мы потревожим гнездо, мама может его не найти.

– Ты сказала, что покажешь мне гнездо. Ты что, солгала?

Он явно разозлился от мысли, что я могла его обмануть. Я всегда готова была на все, лишь бы он улыбался, а в тот, первый день – особенно.

– Нет! – выпалила я с замирающим сердцем.

Я добралась до ветки и поползла по ней к гнезду. В гнезде лежало четыре крошечных гладких яйца бледно-голубого цвета.

Я как можно осторожнее отцепила гнездо от ветки. Я покажу его Виктору и верну на место. Спуститься с дерева, не повредив гнездо, было трудно, но я справилась. Широко улыбаясь, я торжествующе продемонстрировала его Виктору.

Он заглянул внутрь.

– Когда они вылупятся?

– Скоро.

Он протянул руки и взял у меня гнездо. Потом нашел большой плоский камень и положил гнездо на него.

– По-моему, это зарянки. – Я погладила гладкие голубые скорлупки. Я представила, что это кусочки неба и что, если бы до него можно было дотянуться, оно было бы такое же гладкое и теплое на ощупь, как эти яйца. – Может быть, – хихикнула я, – это небо их отлосило. И из них вылупятся крошечные солнышки, которые улетят за облака.

Виктор посмотрел на меня.

– Ну и чушь. Ты очень странная.

Я замолчала и постаралась улыбнуться, чтобы он не понял, как сильно меня ранили его слова. Он неуверенно улыбнулся в ответ и сказал:

– Яйца четыре, а солнце только одно. Может, из остальных вылупятся облака?

Я почувствовала, как растет мое расположение к нему. Он взял первое яйцо и посмотрел сквозь него на солнце.

– Смотри. Видно птенца.

Он был прав. Скорлупа была прозрачной, и сквозь нее виднелись очертания свернувшегося в комочек птенца. Я восторженно засмеялась:

– Мы как будто заглядываем в будущее.

– Почти.

Если бы мы могли заглянуть в будущее, мы бы узнали, что на следующий день его мать заплатит моей жестокой опекунице и, забрав меня у нее навсегда, вручит Виктору его особый подарок.

Жюстина радостно вздохнула:

– Какая чудесная история!

История понравилась ей, потому что я рассказала ее специально для нее. Не все в ней было правдиво. Но я вообще редко была с кем-то правдива. Я уже давно перестала испытывать угрызения совести. Слова и истории были инструментами, которые позволяли добиваться от окружающих нужной реакции, а с инструментами я обращалась мастерски.

На этот раз я была почти искренна. Я приукрасила некоторые детали – особенно те, что касались воспоминаний о вилле, потому что здесь ложь была жизненно необходима. И я всегда опускала окончание. Жюстина бы все равно не поняла, а я не любила об этом вспоминать.

«Я чувствую его сердце», – раздался у меня в голове шепот Виктора.

Я выглянула из-за шторки; наш дилижанс въехал в пасть Ингольштадта, и его темные каменные дома сомкнулись вокруг нас, словно клыки. Этот город проглотил моего Виктора. Я отправила сюда Анри, чтобы привезти его домой, и потеряла их обоих.

Я должна вернуть Виктора. Я не уеду отсюда, пока не найду его.

Я не лгала, когда говорила Жюстине о причинах, подтолкнувших меня к поездке. Предательство Анри мучило меня, как свежая рана. Но его я могла пережить. Чего я пережить не могла, так это потери Виктора. Виктор был мне *нужен*. И та маленькая девочка, что годами завоевывала его сердце, готова была на все, чтобы его удержать.

Город скалился, и я оскалилась в ответ: попробуй, мол, меня остановить.

Глава вторая

Ночь дается не для сна³

Тьма, которую принесла с собой гроза, заволокла небо и скрыла от нас солнце. Но когда мы добрались до пансиона, хозяйке которого я написала в последний момент перед поездкой, было это наверняка немногим позже заката. Я не знала, разрешено ли Виктору принимать гостей в арендованных комнатах и в каком состоянии будут эти комнаты. Хотя до его отъезда мы жили в одном доме, сейчас я вряд ли смогла бы остановиться у него. Виктор, который уехал два года назад, и Виктор, который теперь жил в Ингольштадте, несомненно, были разными людьми. Да и Жюстина определенно была бы не рада, предложи я ей остаться в комнатах молодого неженатого студента.

Итак, мы стояли на крыльце пансиона для девиц фрау Готтшальк, укрываясь под зонтиками от унылого затяжного дождя. Дилижанс ждал у нас за спиной; лошади нетерпеливо били копытами по брусчатке. Мне хотелось к ним присоединиться. Я наконец оказалась в одном городе с Виктором, но начать поиски я смогу только утром.

Я стучала, пока не заболел кулак. Наконец дверь приоткрылась. На нас обескураживающе свирепо уставилась женщина, которая в желтом свете лампы напоминала скорее восковую фигуру, чем человека.

– Что вам нужно? – спросила она по-немецки. Я нацепила на лицо приятную, чуть заискивающую улыбку.

– Добрый вечер. Меня зовут Элизабет Лавенца. Я писала вам в связи с арендой...

– У нас правила! После захода солнца двери запираются. Все, кто в этот момент не в доме, ночуют снаружи.

Вдали прокатился удар грома, и Жюстина задрожала. Я виновато скривила губы и согласно закивала.

– Да, конечно. Но мы только что прибыли и не знали о ваших правилах. Это очень разумное требование, и я ужасно признательна вам за то, что мы, две юные девушки, можем верить себя женщине, которая так печется о безопасности и благополучии своих постоялиц! – Я прижала руки к груди и ослепительно улыбнулась. – Признаться, до нашего прибытия я опасалась, что мы поспешили с выбором жилья, но теперь я вижу, что вы ниспосланный нам ангел-хранитель!

Она захлопала глазами и сморщила нос, словно чуяла неискренность, но выражение моего лица защищало меня лучше щита. Она нахмурилась; ее маленькие глазки забегали взад и вперед, изучая нас и ожидающий у нас за спиной дилижанс.

– Раз так, заходите, не стойте под дождем. И учтите: я нарушаю правила в первый и последний раз!

– О, конечно! Мы так вам благодарны! Какие же мы счастливицы, правда, Жюстина?

Жюстина, опустив голову, разглядывала ступени у нас под ногами. Она говорила в основном по-французски, и я не знала, много ли из слов хозяйки она поняла. Но ее интонация и поведение перевода не требовали. Жюстина напоминала щенка, которого отшлепали за непослушание. Я уже ненавидела эту женщину.

Следуя моим указаниям, кучер занес наш дорожный сундук в холл. Это был какой-то нелепый танец. Хозяйка намертво отказалась впускать в дом больше одной его ноги одновременно. Я щедро заплатила ему за труды с расчетом на то, что он согласится потом отвезти нас домой, хотя я и сама пока не знала, когда это случится.

³ Пер. Ю. Корнеева.

Хозяйка захлопнула за ним дверь и задвинула два засова. После этого она вынула из кармана передника большой железный ключ и повернула его в замке.

– Ночью в городе опасно? Я об этом не слышала. Город вращался вокруг университета. Не мог же центр учености быть настолько страшным местом? С каких пор от знаний нужно было отгораживаться таким количеством замков?

Она фыркнула.

– Сомневаюсь, что вы в своих живописных горах много слышали об Ингольштадте. Вы сестры?

Жюстина вздрогнула, как от удара. Я шагнула к ней, загораживая ее собой.

– Нет. Жюстина работает на моих благодетелей. Но я люблю ее, как родную сестру.

Сходства между нами было слишком мало, чтобы предположить в нас родную кровь. Я была белокожей, с синими глазами и золотыми волосами, о которых заботилась так, словно от них зависела моя жизнь. Я перестала расти примерно год назад и осталась невысокой и тонкокостной. Иногда я задумывалась над тем, стала бы я выше и сильнее, если бы в детстве мне давали больше еды? Впрочем, моя наружность была мне на руку. Я выглядела хрупкой, нежной, совершенно безобидной и неспособной на обман.

Жюстина была выше меня почти на ладонь. Плечи у нее были широкие, руки – сильные, привычные к работе. Ее каштановые волосы отливали на солнце золотым огнем. Вся она словно светилась изнутри. Она была рождена для тепла и нежности. Но в ее полных губах и опущенных уголках глаз сквозил намек на печаль и страдание – он-то и привязал меня к ней, постоянно напоминая, что она слабее, чем можно предположить по ее виду.

Если бы я могла выбрать себе сестру, я бы выбрала Жюстину. Я *уже* выбрала Жюстину. Но у Жюстины когда-то были настоящие сестры. Зачем эта ужасная женщина вместе с нашим багажом впустила в свой безрадостный дом их призраки? Я взялась за ручку сундука и помахала Жюстине, чтобы она взялась за него с другой стороны.

Она не сводила с нашей хозяйки широко распахнутых ошеломленных глаз. Я пригляделась к ней повнимательнее. Хотя эта женщина была не похожа на мать Жюстины, ее резкого язвительного голоса и пренебрежения, с которым она ответила на мой невинный вопрос, хватило, чтобы выбить бедняжку Жюстину из колеи. Мне придется проследить, чтобы Жюстина общалась с ней как можно меньше. Впрочем, я надеялась, что наше пребывание в доме этой восковой гарпии ограничится одной ночью.

– Я так рада, что мы вас нашли! – повторила я напоследок с лучезарной улыбкой, когда она неопределенно буркнула, указывая на узкую лестницу. Я обернулась и подмигнула Жюстине через плечо. Она вымученно улыбнулась, и ее миловидное лицо скривилось в притворной благодарности.

– Можете звать меня фрау Готтшальк. Правила таковы: никаких джентльменов в доме. Завтрак подается ровно в семь – опоздавшие не обслуживаются. В общих комнатах вы обязаны сохранять респектабельный вид.

– У вас много постоялиц? – поинтересовалась я, волоча наш массивный сундук мимо обшарпанного угла.

– Только вы. Если вы позволите, я продолжу. Общие комнаты предназначены для тихих вечерних занятий – например, рукоделия.

– Или чтения? – с надеждой подхватила Жюстина по-немецки, запинаясь от усердия. Она знала, как я люблю читать. Разумеется, она в первую очередь думала обо мне.

– Чтение? Нет. В доме нет библиотеки. – Фрау Готтшальк уставилась на нас так, словно мы были глупейшими созданиями на земле, раз предположили, что в пансионе для девиц могут иметься книги. – Если вам нужны книги, обратитесь в университетскую библиотеку или к книготорговцам. Где их искать, мне не известно. Ванная комната тут. Ночные горшки я опорожняю раз в день, так что постарайтесь их не переполнять. Вот ваша комната.

Она толкнула дверь, украшенную резным цветочным орнаментом, изящество которого могло сравниться только с добротой фрау Готтшальк. Дверь, застонав так, словно протестовала против подобного обращения, приоткрылась.

– За обед вы отвечаете сами. Кухней пользоваться запрещено. А ужин подается ровно в шесть, тогда же, когда дверь запирается на ночь. Не надейтесь, что завтра я буду такой же доброй! Дверь запирается на всю ночь, без исключений. – Она повертела в воздухе свой тяжелый железный ключ. – Вам ее открывать нельзя. Так что никаких ночных хождений по дому. Соблюдайте правила.

Она развернулась, зашуршав юбками, но не ушла. Я приготовила благодарную улыбку в ответ на ее «Доброй ночи», «Надеюсь, вам здесь понравится» или – на это я рассчитывала больше всего – приглашение к столу на поздний ужин.

Вместо этого фрау Готтшальк сказала:

– Рекомендую заложить уши ватой – ее вы найдете на ночном столике. Чтобы заглушить... звуки.

И она растворилась в темноте лестницы, оставив нас на пороге нашей комнаты.

– Да уж. – Я опустила сундук на вытертый деревянный пол. – Тут немного темновато.

Я медленно двинулась вперед и ошупью добрела до наглухо закрытого окна, попутно ушибив пальцы ног об изножье кровати. Я подергала ставни, но они были заперты на задвижку, которой нигде не было видно.

Ударившись бедром о стол, я обнаружила лампу. К счастью, она горела, хотя и очень слабо. Я подкрутила фитиль. Из темноты медленно проступили очертания комнаты.

– Пожалуй, стоило оставить лампу притушенной, – засмеялась я.

Жюстина все так же мялась у двери. Я пересекла комнату и взяла ее руки в свои.

– Не обращай внимания на фрау Готтшальк. Она просто несчастная женщина – и потом, мы здесь не задержимся. Завтра мы найдем Виктора, и он поможет нам подыскать жилье получше.

Она кивнула, немного расслабившись:

– И Анри наверняка знает какого-нибудь доброго человека.

– Могу поспорить, Анри знает всех добрых людей в этом городе! – жизнерадостно подхватила я.

Это была ложь. Она думала, что Анри все еще в Ингольштадте. Отчасти я воспользовалась их приятельскими отношениями, чтобы заманить ее сюда. Мысль, что нас ждет Анри, ее успокаивала.

Разумеется, Анри здесь не было. Будь он здесь, он бы уже передружился со всем городом. А вот у Виктора был только Анри. Но моими усилиями их дружбе пришел конец. И хотя я знала, что должна сочувствовать Виктору, я была слишком зла на них с Анри. Я сделала то, что было необходимо.

Анри получил то, что хотел – во всяком случае, частично. Они с Виктором могли путешествовать в свое удовольствие, учиться и работать ради будущего, которое и без того было обеспечено им по праву рождения. Некоторым из нас приходилось искать другой путь.

Некоторым приходилось лгать и обманывать, чтобы поехать в другую страну, отыскать этот путь и за шиворот притащить его домой.

Я снова повернулась, разглядывая нашу мрачную комнату.

– Какое покрывало тебе больше нравится: то, что в паутине, или то, что сшито из погребальных саванов?

Жюстина перекрестилась и нахмурилась, не оценив шутки. Затем, однако, она сняла перчатки и решительно кивнула.

– Я приведу комнату в порядок.

– Мы приведем комнату в порядок. Ты мне не служанка, Жюстина.

Она улыбнулась.

– Но я до конца жизни у вас в долгу. И я люблю, когда мне выпадает возможность вам помочь.

– Хорошо; только не забывай, что ты служишь у Франкенштейнов, а не у меня. – Я подхватила край лоскутного покрывала, которое она снимала с кровати, и помогла его сложить. Одежда выглядела получше – покрывала, по крайней мере, защитили их от пыли. – Я сейчас открою окно, и мы выколоти́м из них пыль.

Жюстина уронила свой край покрывала, и по испугу на ее лице я поняла, что мыслями она уже не здесь. Я выругала себя за то, что была так неосторожна со словами.

Виктор лежал с очередной простудой, но уже шел на поправку и перед тем, как вынырнуть из тумана беспмятства, проспал как убитый два дня. К этому моменту я не покидала дом уже целую неделю, ухаживая за ним. Анри выманил меня на улицу, пообещав солнце, свежую клубнику и поход за подарком для Виктора.

Лодочник высадил нас у ближайших городских ворот, и мы не спеша прошли по главному рынку, а потом свернули в залитый солнцем узкий переулок, по обе стороны которого подпирали друг друга боками очаровательные домики из камня и дерева. Только теперь я осознала, как сильно нуждалась в этом ясном и чистом свободном дне. С Анри было легко, хотя что-то между нами уже начало меняться. Но в тот день мы снова чувствовали себя детьми и беззаботно смеялись. Я опьянела от солнечного света, от ощущения ветра на коже, от осознания того, что в этот самый момент я никому не нужна.

Все изменилось в одну секунду.

Я поняла, что побежала на крик, лишь когда увидела перед собой его источник. Высокая сухопарая женщина нависала над девушкой примерно моего возраста. Девушка, съездившись, прикрывала руками голову и выбившиеся из-под чепца каштановые кудри. Женщина, брызжа слюной, кричала:

– ...я из тебя, потаскуха, пыль-то выколочу!

Она схватила прислоненную к двери метлу и занесла ее над головой девушки.

В ту же секунду женщина пропала. Теперь у меня перед глазами стояла другая женщина, полная ненависти, с жестоким языком и еще более жестокими кулаками. Ослепленная яростью, я подскочила к ней, и удар пришелся мне по плечу.

Женщина ошеломленно попятилась. Я с вызовом вскинула подбородок. Злоба схлынула с ее лица, сменившись страхом. Хотя она жила в приличной части города, она явно принадлежала к рабочему классу. А мои дорогие юбка и жакет – не говоря уж о красивом золотом медальоне, который я носила на шее, – свидетельствовали о куда более высоком положении в обществе.

– Простите меня, – выдавила она напряженным голосом, в котором страх мешался со злостью. – Я вас не видела, и...

– И вы меня ударили. Уверена, судья Франкенштейн захочет об этом услышать.

Это была неправда – и то, что он захочет об этом слышать, и что он все еще судья, но этого оказалось достаточно, чтобы она совсем обезумела от страха.

– Нет, нет, прошу вас! Я все исправлю.

– Вы повредили мне плечо. На время выздоровления мне понадобится помощница. – Я присела и, не сводя глаз с озлобленной женщины, осторожно отвела руку, которой девушка защищала лицо. – Я не стану жаловаться на вас судье, но вы взамен отдадите мне свою служанку.

Женщина с почти нескрываемым отвращением посмотрела на девушку, которая пугливо, как раненое животное, опустила руки.

– Она мне не служанка. Это моя старшая дочь.

Я крепче сжала руку девушки, опасаясь, что не выдержу и ударю женщину.

– Хорошо. Я отправлю вам договор о найме. Она будет жить со мной до тех пор, пока я нуждаюсь в ее услугах. Хорошего дня.

Я потянула девушку за руку, и она, спотыкаясь, побрела за мной. Анри, которого я в своем порыве оставила позади, уже спешил к нам. Не обращая на него внимания, я быстро перешла улицу и свернула в переулок.

Буря эмоций, которую я с таким трудом сдерживала, прорвалась наружу, и я, тяжело дыша, привалилась к каменной стене. Девушка присоединилась ко мне; мы замерли рядом – моя голова доходила ей до плеча, – и сердца у нас колотились, как у кроликов, которыми мы с ней на самом деле и были: всегда настороже, всегда в ожидании удара. Как выяснилось, эта черта так и осталась со мной.

Я знала, что должна вернуться и найти Анри, но не могла заставить себя двинуться с места. Меня трясло; спустя столько лет воспоминания об опекуне нахлынули на меня со свежими силами.

– Спасибо, – прошептала девушка и переплела свои тонкие пальцы с моими, и наши с ней руки перестали дрожать.

– Меня зовут Элизабет, – сказала я.

– Я Жюстина.

Я повернулась и посмотрела на нее. На щеке у нее горел след от пощечины, обещающий обернуться уродливым синяком. Ее большие, широко расставленные глаза смотрели на меня с той же благодарностью, которую испытала я, когда Виктор принял меня и увел прочь от жизни, полной боли. Она была приблизительно моего возраста – если судить по ее росту, может, на пару лет старше.

– С ней всегда так? – прошептала я, отводя мягкий локон от ее щеки и убирая его ей за ухо.

Она тихо кивнула, прикрыла глаза и, опустив голову, прижалась лбом к моему лбу.

– Она меня ненавидит. Я не знаю почему. Я ее дочь, ее родная кровь, такая же, как остальные. Но она меня ненавидит, и...

– Тс-с.

Я притянула ее к себе так, что ее голова уткнулась мне в шею. Моя красота спасла меня от жестокости и нужды, и если я была обязана этим удаче, то я позабочусь о том, чтобы Жюстине повезло не меньше. Хотя мы только что встретились, я чувствовала в ней родственную душу и знала, что наши с ней судьбы переплетены навсегда.

– На самом деле мне не нужна служанка, – сказала я. Она насторожилась, и я поспешно продолжила: – Ты умеешь читать?

– И писать тоже. Меня научил отец.

Как удачно. В голове у меня зародился план.

– Ты никогда не думала стать гувернанткой?

От неожиданности Жюстина перестала плакать. Она подняла голову и изогнула изящно очерченные брови.

– Я учила своих младших сестер и брата. Но я никогда не думала о том, чтобы заниматься этим с кем-то еще. Мать говорит, я слишком испорченная и тупая...

– Твоя мать глупа. Забудь все, что она про тебя говорила. Это была ложь. Поняла?

Жюстина ухватилась за мой взгляд, как утопающий за веревку. Она кивнула.

– Хорошо. Теперь пойдём. Пора представить Франкенштейнам их новую гувернантку.

– Это ваша семья?

– Да. А теперь и твоя тоже.

Ее невинный взгляд осветился надеждой, и она порывисто поцеловала меня в щеку. Поцелуй напоминал прикосновение прохладной ладони к разгоряченному лбу; я ахнула. Жюстина рассмеялась и обняла меня снова.

– Спасибо, – шепнула она мне на ухо. – Вы меня спасли.

– Жюстина, – сказала я веселым голосом, который резко контрастировал с обстановкой в пансионе, – ты не поможешь мне открыть окно?

Она захлопала глазами, словно очнулась от глубокого сна. Если уж я вспомнила день нашей встречи с такой ясностью, страшно представить, какие воспоминания пробудили мои неосторожные слова в ней. Возможно, я поступила эгоистично, заставив ее поехать со мной в Ингольштадт на поиски Виктора. В уединенном поместье Франкенштейнов она чувствовала себя как дома. Озеро отделяло Жюстину от ее прежней жизни. Она целиком посвятила себя двум юным воспитанникам и была счастлива на своем месте. В своем стремлении сбежать я не подумала, какой разлад эта поездка может внести в ее жизнь.

Жаль, что я не встретила ее раньше. Семнадцать лет с этой женщиной! Виктор спас меня, когда мне было всего пять.

Виктор, почему ты меня оставил?

– Оно заперто. – Она указала на верхнюю часть окна, где ставни плотно прижимались к раме.

Я присмотрелась поближе.

– Нет, их заколотили.

Жюстина аккуратно положила покрывало на расшатанный стул.

– Какой странный дом.

– Мы здесь всего на одну ночь.

Я села на постель, чувствуя, как натянулись под матрасом веревки. На столике между двумя узкими кроватями лежала единственная во всей комнате новая вещь: обещанная вата для ушей.

Что, интересно, она должна была заглушать?

Дождавшись, пока дыхание Жюстины выровняется, я – голодная, сна ни в одном глазу – выбралась из постели. Я с тоской вспоминала о ночах, когда, гонимая бессонницей или кошмарами, я прокрадывалась по коридору и забиралась на кровать к Виктору. Он почти никогда не спал. Он или читал, или писал. Его мозг не знал покоя, а сон отвлекал от размышлений. Возможно, поэтому он постоянно болел: только так тело могло заставить его остановиться и отдохнуть.

Я знала, что, если проснусь, застаю его бодрствующим, и это знание спасало меня от одиночества. Последние два года тянулись вечно. Каждую ночь я лежала в постели и гадала, спит ли он в этот самый момент. Я была уверена, что нет. Что если бы я могла оказаться рядом, то он бы подвинулся и позволил мне свернуться рядом с ним, пока он работает. До сего дня ничто не успокаивало меня больше, чем запах бумаги и чернил.

Как жаль, что у этой ведьмы, фрау Готтшальк, нет библиотеки: я могла бы взять в постель книгу.

Пребывая в уверенности, что годы ночных вылазок уберегут меня от посторонних глаз, я медленно повернула дверную ручку. Я помнила, что дверь скрипит, и приготовилась действовать с величайшей осторожностью.

Но моя память мне не помогла. Дверь была заперта. Снаружи.

Комната, которая до этого момента была просто тесна, вдруг сдавила меня со всех сторон. Я почти ощутила гнилое дыхание других детей, их ободранные коленки и острые локти. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох, прогоняя демонов прошлого. Я туда не вернусь. Никогда.

Но в комнате действительно было слишком душно. Я подошла к ставням и попыталась открыть их, не разбудив Жюстину. Занимаясь делом, я в очередной раз обдумывала свой план.

Утром я пойду к Виктору. Я не стану обвинять его, не стану злиться. На Виктора это не подействует – никогда не действовало. Я улыбнусь, обниму его и напомним, как сильно он меня любит и насколько лучше ему было рядом со мной. А если он заговорит об Анри, я буду вести себя так, будто мне ничего не известно.

– Что? – шепотом воскликну я в величайшем изумлении. – *О чем* он тебя спросил?

Палец застрял под одной из досок. Я вполголоса выругалась и кое-как его выдернула. Палец был теплый и мокрый. Я поскорее сунула его в рот, пока кровь не запачкала ночную рубашку.

А если Виктор не поддастся на мое очарование, я просто разрыдаюсь. Он не выносил вида моих слез. Они причиняли ему физическую боль. Я в предвкушении улыбнулась, потягивая свою порочность, словно затекшие мышцы. Он бросил меня *одну* в этом доме. Конечно, у меня была Жюстина, но Жюстина не могла меня защитить.

Виктора нужно вернуть, и я не позволю ему оставить меня снова.

Одна из досок наконец поддалась. Сжимая ее, как нож, я прижалась лицом к открывшейся щели и уставилась на пустую улицу. Дождь прекратился; облака, как нежный любовник, поглаживали круглую луну.

Вокруг было тихо и спокойно; мокрая мостовая блестела в лунном свете – сомневаюсь, что она когда-нибудь бывала чище. Я ничего не видела. Я ничего не слышала.

Я вернула доску на место и устроилась под дверью нашей спальни в полной уверенности, что во всем Ингольштадте опасаться стоит разве что особы, которая за наши же деньги заперла нас в пыльной комнате.

Перед рассветом я резко проснулась, чуть не свалившись со стула. Сон отказывался меня отпускать, но что-то притянуло меня к окну так же, как в тот день в Женеве меня привлекли отчаянные крики Жюстины.

На улице было пусто. Неужели он приснился мне – этот крик, который пронзил меня до глубины души? Воспоминания, от которых я мечтала избавиться, вернулись, и до самого рассвета я не смыкала глаз, пока в двери наконец не повернулся ключ, открывая нам путь к свободе.

Глава третья

Плутая на путях к разгадке

Атмосфера за завтраком была невеселая. Несмотря на все мои усилия, фрау Готтшалк не поддавалась моим чарам. Возможно, я переоценила силу их воздействия, а возможно, за годы жизни в доме Франкенштейнов я так заточила их под одну семью, что на других людей они попросту не действовали.

Мысль была неутешительная.

Фрау Готтшалк отказалась расставаться с ключом от нашей комнаты – ради нашей «безопасности», как будто стоять на страже добродетели молодых женщин было одной из ее обязанностей как хозяйки пансиона. Поданный хлеб подгорел и одновременно не пропекся, молоко было столь же свежим, как я после бессонной ночи, а компания нашей хозяйки была совершенно невыносимой.

Мы покинули пансион при первой же возможности. Едва дверь за нами закрылась, а в замке повернулся ключ, я облегченно вздохнула. По крайней мере, наша первая ночь в этом доме может стать последней. Как только мы найдем Виктора, мы устроимся где-нибудь в другом месте.

И все будет хорошо.

Я вытащила последнее письмо Виктора, написанное почти полтора года назад, – я невольно сжала пальцы, оставляя на дате борозды от ногтей, – и проверила адрес. Хотя я помнила его наизусть, письмо было талисманом, который должен был привести нас к нему.

– Может быть, стоит нанять экипаж? – Жюстина с сомнением задрала голову. Тяжелые тучи обещали новый дождь. Но я не хотела тратить время на поиски возницы и уж тем более не собиралась возвращаться в дом и просить о помощи фрау Готтшалк.

– После такой долгой поездки небольшая прогулка пойдет нам на пользу.

Два года назад, когда Виктор готовился к отъезду, я сделала копию карты Ингольштадта. Я постаралась на славу, украсив ее всевозможными завитками и целой россыпью художественных деталей, чем привела его в восторг. Он посмеивался над бесполезностью моего занятия, но с неизменной гордостью демонстрировал результат моих трудов редким гостям.

С собой у меня был оригинал. Без завитков – потому что эта карта предназначалась для меня и тратить время на бесполезные занятия не было нужды.

Я провела пальцем по улицам, словно гадалка, которая предсказывает будущее по ладони, и постукала по бумаге в такт своему сердцебиению.

– Вот, – сказала я. – Здесь мы найдем Виктора. И мы с Жюстиной рука об руку осторожно зашагали по грязным мощеным тротуарам, следуя за ручейком чернил на моей карте.

– Виктор Франкенштейн? – повторил по-французски бледный худосочный мужчина с жесткими, как проволока, усами. – Что вам от него нужно?

– Я его кузина, – сказала я.

Это была неправда, но именно так нас с Виктором приучили обращаться друг к другу. Его родители тщательно следили, чтобы мы не называли друг друга братом и сестрой. Хотя они кормили, одевали и обучали меня вместе с ним, пока он не уехал в городскую школу-пансион, а потом в университет, они сохранили мне мою фамилию и официально так и не удочерили.

Я только жила в доме Франкенштейнов. Я не была одной из них. И я ни на секунду об этом не забывала.

Мужчина побряхтел, дергая за кончики усов.

– Я не видел его больше года. Он сказал, что ему нужно больше места. Заносчивый сукин сын. Заявил, будто бы я шпионил за ним. Как будто меня интересуют каракули полоумного студентихи. Между прочим, я и сам доктор!

– Вот как? – Жюстина, огорчившись при виде его возмущения, попыталась его успокоить. – А доктор чего?

Он почесал в затылке и завращал зрачками вверх и в сторону, словно что-то попало ему в глаз.

– Восточных языков. Я специализируюсь на поэзии. Я владею китайским и японским – и еще немного корейским.

– Не сомневаюсь, что эти знания необходимы вам, хозяину пансиона для студентов, каждый день. – Колкие слова я сопровождала острой, как кинжал, улыбкой. Как он смеет оскорблять моего Виктора!

Он прищурился.

– Да, я определенно вижу семейное сходство.

Я поняла, что выбрала неверную тактику, и быстро изменила выражение лица. Опустила ресницы ниже, чуть наклонила подбородок и улыбнулась так, будто никогда в жизни не держала ни одного секрета.

– Поэзия – это чудесно! Вашим постояльцам очень повезло. Страшно представить, как тягостно было бы жить под кровом какого-нибудь математика! Одни бездушные числа вокруг. Ваши комнаты, должно быть, пользуются огромным спросом. Могу предположить, что Виктору потребовалось больше места из практических соображений.

Мои слова и такая резкая перемена привели его в замешательство; он явно засомневался, не привиделась ли ему моя недоброжелательность.

– Гм... Да, пожалуй. Он не говорил, зачем ему нужно больше места.

– У вас есть его новый адрес?

Он сдвинул брови, отчего его лицо приобрело одновременно недовольное и виноватое выражение.

– Мы не поддерживали связь с тех пор, как он назвал меня болваном, у которого голова набита шелком.

Я прижала пальцы к губам в притворном ужасе. На самом деле я сделала это, чтобы скрыть ухмылку. Как же я скучала по Виктору!

– Вероятно, напряжение от учебы было действительно велико, если оно заставило его так себя вести. Должно быть, он не писал вам из чудовищного чувства вины за свое недостойное поведение. – Я достала одну из визитных карточек, которые сделала утром. Стоимость чернил фрау Готтшальк приписала к нашему счету. – Если вы что-нибудь вспомните, или если он придет извиниться, не могли бы вы сообщить об этом мне? Мы ненадолго остановились в пансионе для девиц у фрау Готтшальк.

Я вложила карточку ему в руку, задержав пальцы на его ладони чуть дольше, чем это было необходимо. На этот раз он был не растерян, а скорее заворочен.

Нет, я определенно знала подход *не только* к Франкенштейнам. Проблема была во фрау Готтшальк. Хотя мы, покидая старое жилище Виктора, ни на шаг к нему не приблизились, ко мне отчасти вернулась уверенность.

По предложению Жюстины мы зашли в кафе выпить чаю. С точки зрения вкуса и элегантности обстановка оставляла желать лучшего. Но внутри было относительно чисто, а чай был горячим. Мне хотелось склониться над дымящейся чашкой и позволить душе завариться в горячей воде вместе с чайными листьями.

– Что нам теперь делать?

Жюстина держала руки под столом и обеспокоенно поглядывала по сторонам. Мы были единственными женщинами – в остальных посетителях без труда угадывались студенты с пятнами от чернил на пальцах и мертвенной бледностью на лицах. Глядя на их сосредоточенно нахмуренные лбы, я еще острее ощутила тоску по Виктору. Однако эти лбы один за другим разглаживались и с интересом приподнимались над столом всякий раз, когда мы с Жюстиной открывали рот. Я притворялась, что ничего не замечаю. Жюстине притворяться было не нужно: она в своем простодушии даже не догадывалась, какой эффект мы с ней производим на мужчин. Я, напротив, прекрасно знала, что я красива. Свою красоту я считала умением – таким же, как владение французским, английским, итальянским и немецким. Она тоже была своего рода языком – языком, понятным в любых обстоятельствах.

– У вас есть другие его письма? – спросила Жюстина. – Контакты, которые мы могли бы использовать?

Теперь я заметила, что она сжимает в руках маленького свинцового солдатика и потирает его, как талисман. Скорее всего, солдатик принадлежал Уильяму. Из трех младших Франкенштейнов мне был нужен только Виктор. Двух оставшихся Жюстина любила за нас обеих.

Я помешала чай, постукивая выщербленной серебряной ложечкой по простенькому фарфору. Ингольштадт – город небольшой, но и не маленький. Студентов в нем полно. И в домах, предлагающих комнаты для студентов, недостатка здесь нет – если, конечно, Виктор поселился в одном из них.

– Это тайна, – заговорщически улыбнулась я Жюстине. – Совсем как те, о которых я тебе рассказываю.

Мои слова вывели ее из раздумий – несомненно, мыслями они была с Уильямом и Эрнестом, которые остались дома.

– А в этой тайне есть похититель драгоценностей и безрассудная ночная засада?

Я бросила Жюстине в чай два кубика сахара. Она любила сладкое, но никогда сама не брала больше сахара, чем кто-либо еще из сидящих за столом.

– Ну, раз уж мы охотимся на студента, полагаю, о драгоценностях речи быть не может. А наша хозяйка оставит нас на улице, если мы вернемся за полночь. Но, обещаю, рано или поздно мы разоблачим злодея.

Жюстина засмеялась очаровательным смехом, и теперь я знала наверняка, что все глаза в кафе обращены к нам. Я чувствовала на себе их взгляды, они были словно еще один слой одежды. Легкий, но немного сковывающий движения.

Я подавила желание вцепиться в свой высокий кружевной воротник. Закрыла глаза и едва заметно поежилась, ощущая рамки, в которые меня заключала моя чистая дорогая одежда.

Когда Франкенштейны сочли, что Виктор готов к жизни в коллективе и может вместо домашнего обучения посещать местную школу, для меня это стало одновременно облегчением и мукой. У меня появилось больше свободного времени на протяжении дня – и в это время мне не нужно было играть роль; достаточно было продолжать учить языки и не забывать про живопись. Да, я отчаянно завидовала Виктору. Каждое утро его перевозили на лодке через озеро, к другим детям и другим умам, где он учился и рос, пока я сидела дома. Каждое утро я стояла на пристани, пока лодка не исчезала из виду, и каждый мускул моего тела был напряжен, потому что я мечтала быть с ним и в то же время мучительно хотела убежать.

В свободное время я блуждала по окрестностям. До Франкенштейнов я вела наполовину одичалый образ жизни, но теперь в моих вылазках меня неизменно сопровождал Виктор, а потому я никогда не могла расслабиться до конца. Мне приходилось помнить о его присутствии каждую минуту, контролируя эмоции, реакции, выражение лица.

В одиночестве я открывала непричесанную красоту природы заново. Заснеженные вершины маячили на горизонте, наблюдая за каждым моим движением. Я дала им имена: Судья

и Мадам Франкенштейн. Озеро, умиротворенное, красивое и таинственное, я назвала Виктором. Но деревья – деревья были только моими.

Обычно по утрам я должна была приходить к мадам Франкенштейн и играть с маленьким скучным Эрнестом. Я была к нему равнодушна, но мадам Франкенштейн любила посмотреть на наши игры. Как-то раз, когда она еще носила Эрнеста и ее раздувшийся живот ужасал меня по непонятным мне самой причинам, она сказала, что именно благодаря мне наконец смогла родить еще одного ребенка.

Я бы с удовольствием вообще не виделась с младенцем. Но я не давала ей повода это заподозрить и ворковала над ним столько, сколько требовалось, чтобы он заснул, а я наконец могла улизнуть на прогулку.

Когда дом исчезал из поля зрения, я снимала свое белое платье и, аккуратно сложив, прятала его в пустом дупле дерева. И тогда, не опасаясь испортить одежду и принести домой свидетельство своего непослушания, я бродила среди деревьев, как дикий зверек.

Я находила гнезда, кроличьи и лисьи норы, укромные жилища тех, кто ползал, скользил, прыгал, скакал, летал и бегал среди темно-зеленой листвы и глинисто-коричневых стволов. Хотя сердце мое среди них наполнялось радостью, мои вылазки служили двойной цели: выяснив, где обитают мои любимые животные, я могла сознательно обходить их стороной, когда была с Виктором.

Когда гулять было нельзя – зимой или вечером, после возвращения Виктора, – я изучала его школьные тетради, разглядывала картины или читала стихи. Франкенштейны были в восторге. В живом интересе к искусству в таком раннем возрасте они видели подтверждение моего благородного происхождения. В действительности это был способ вернуться к природе, когда я вынуждена была сидеть дома.

Если бы я могла носить одно только белье, я бы так и делала. Но одежда была частью моей роли. И я никогда не выходила из образа там, где меня могли увидеть.

– Элизабет?

Я прекратила помешивать чай, который успел остыть, пока я вглядывалась в туман за окном. Я улыбнулась Жюстине, пытаясь скрыть, что пропустила мимо ушей все, что она говорила. Она улыбнулась в ответ, показывая, что она не в обиде. С Жюстиной так было всегда. Она не умела на меня сердиться. С ней я могла не задумываться над каждым словом и выражением и испытывала от этого огромное облегчение. Но иногда наши отношения казались мне столь же фальшивыми, как отношения с моими благодетелями. Иногда я начинала сомневаться, действительно ли она настолько добра или же только делает вид, чтобы ее не отправили назад к ее чудовищной матери.

Нет. На самом деле я не сомневалась. Если в мире и существовало абсолютное добро, что-то чистое и незапятнанное, как свежесыпавший снег, это было сердце Жюстины.

– О чем вы задумались? – спросила она.

– Я вспоминала день, когда Виктор впервые уехал в школу. Ему было тринадцать, и это была обычная местная школа в Женеве. Он приносил домой все свои учебники, чтобы я тоже могла учиться. А еще он приносил уморительные жалобы своего несчастного директора.

Мне с трудом верилось, что это было всего пять с половиной лет назад. Сейчас Виктору было девятнадцать, и он ничего не привез домой – даже себя.

– Ах! – Я отложила ложку и отодвинула от себя остывший чай. – Его директор! Я вдруг поняла, что у нас есть еще одна зацепка. В одном из своих первых писем Виктор подробно описывал двух своих профессоров. С одним из них он хотел работать особенно сильно, хотя знаниями, которые он надеялся получить, обладали оба. Наверняка они смогут нам помочь!

Я достала тощую стопку писем Виктора. Всего четыре письма, три из которых он написал в течение первого месяца вне дома. После этого прошло семь месяцев, прежде чем я получила еще одно. А потом письма прекратились.

Еще у меня было письмо от Анри, полученное шесть месяцев назад. Но оно было всего одно, и я не собиралась его перечитывать. Он мог бы, по крайней мере, оставить нам новый адрес Виктора, прежде чем бросить нас обеих. Но со временем мой гнев остыл и сменился сосущим чувством страха. Продолжительное молчание Виктора можно было объяснить его нелюдимым характером. В конце концов, смягчить его было моей работой. Столь длительное время без меня не могло пойти ему на пользу. И мне тоже.

Я поднялась, намереваясь покончить с делами немедленно.

– Предлагаю навестить пару профессоров.

Глава четвертая

Я в одиночку, без проводника во мгле плутаю

Профессор Кремпе оказался далеко не столь неприятен на вид, как его описывал Виктор. Но Виктор был так точен, так педантичен в своем стремлении к совершенству во всем, что общаться с профессором Кремпе с его несимметричными чертами и неровным цветом лица, наверное, было для него ужасно тяжело.

Виктор не выносил того, что не мог исправить. Именно страх перед неудачами погнал его прочь из Женевы. Нашел ли он ответы, которые здесь искал?

Сколь мало было в профессоре Кремпе физической красоты, столь же мало надежды вселили в нас его слова. Но его голос был добрым, а выражение лица – виноватым.

– Он просил у меня больше книг по химии, чем может понадобиться дюжине студентов, и писал пылкие, лихорадочные письма с самыми невероятными и даже абсурдными вопросами. Но все это прекратилось больше года назад. До того момента, как вы, юные леди, появились у меня на пороге, я был уверен, что он забросил свои штудии и уехал.

От одной мысли об этом к горлу подкатил ком. Уехал? Нет. Несомненно, он все еще здесь. Он бы не уехал из города, не сказав мне ни слова. Если уж на то пошло, даже Анри нашел бы в себе достаточно благородства, чтобы меня предупредить.

– Может быть, у вас есть адрес дома, где он останавливался, когда писал вам в последний раз?

– Есть, но я сомневаюсь, что он вам поможет. Я припоминаю теперь, что его искал еще один друг. Привлекательный юноша с приветливым круглым лицом и пронзительными голубыми глазами.

– Анри! – выпалила я. Слишком быстро и взволнованно. Я покраснела и, теребя в руках перчатки, улыбнулась, чтобы скрыть свои истинные чувства. – Наш друг Анри тоже приехал сюда учиться. Вы не знаете, где еще он искал Виктора?

Профессор Кремпе покачал головой с искренним сожалением.

– Мне очень жаль. У меня был адрес Виктора, но ваш Анри побывал в том доме и выяснил, что комнаты Виктора сдаются. Куда он направился дальше, мне неизвестно. Каждый день я вижу множество молодых людей. Анри запомнился мне лишь потому, что был очень вежлив, а Виктор – из-за своей поразительной напористости. – Профессор помолчал, задумчиво почесывая изрытый оспинами подбородок. – Думаю, он меня недолюбливал. Мне всегда казалось, что мое присутствие причиняет ему неудобство. И все же мне нравилось с ним работать.

– О, я уверена, что вы ему симпатичны! Вы один из двух профессоров, о которых он мне рассказывал. Просто он... очень одаренный. Он мыслит необычно, и ему бывает тяжело общаться с новыми людьми.

Профессор Кремпе закивал.

– Чем бы он ни занимался, надеюсь, он достиг успеха. Никто никогда не задавал мне таких вопросов, и я сомневаюсь, что еще услышу что-то подобное. Он был близок к гениальности – или к безумию.

Сообразив, что зашел слишком далеко – я не сумела скрыть панику, которую вызвали во мне его слова, – он примирительно поднял руки и улыбнулся:

– Я шучу. Я бы поставил на то, что он углубился в новую область знаний и попросту не нуждается больше в моей помощи. Сейчас он, верно, пытается какого-нибудь профессора истории вопросами о лечении зубов в древней Месопотамии.

Я достала визитную карточку и изящно, но настойчиво – так же, как выписывала на карточку адрес пансиона, – улыбнулась.

– Если вы вспомните что-нибудь, что может помочь нам в его поисках, или если он вдруг с вами свяжется...

– Я немедленно дам вам знать. Был рад знакомству, мисс Элизабет. Мисс Жюстина. – Он помедлил и произнес следующее предложение нарочито небрежно, явно надеясь, что я не замечу отчаяния в его голосе: – Если вы его встретите, пожалуйста, скажите ему, что мне бы хотелось знать, над чем он работает. – Он улыбнулся. – Я чрезвычайно заинтригован его исследованиями.

– Я непременно это сделаю.

Не сделаю. Этот человек ничем мне не помог.

Отвернувшись, я задержала взгляд на стенах. От пола до потолка они были заставлены книгами. В комнате пахло кожей, бумагой и пылью. Я всегда завидовала Виктору из-за того, что он уехал. Теперь я завидовала ему из-за того, *ради чего* он уехал.

Я отдала бы что угодно за возможность назваться студенткой и провести несколько лет в пыльных комнатах, погрузившись в пыльные книги, узнавая, ломая голову, задавая вопросы крупнейшим ученым! Изучать что хочу и с кем хочу. Подумать только: все эти годы мне приходилось убеждать Виктора сделать то, за что сама отдала бы душу.

Когда у мадам Франкенштейн родился Эрнест, перемен, которых я ждала и страшилась, не последовало. Я боялась, что она больше не захочет видеть меня рядом. Но у нее родился еще один мальчик – третий, хотя второй ребенок умер еще во младенчестве, – и для нее стало еще важнее, чтобы я постоянно была с Виктором.

Следующие два года мы с Виктором самозабвенно учились, по его прихоти бросаясь от одного предмета к другому. Я читала стихи его родителям и немного помогала с младенцем. Но, к моему облегчению, главным моим подопечным оставался Виктор. Лучшие уж лежат на замшелой земле, притворяясь трупом в анатомическом театре, чем укачивать на коленях пускающего слюни младенца!

И все же я слишком хорошо выполнила свою работу по социализации Виктора. Он научил меня читать, писать и учиться и гордился моим острым умом и цепкой памятью, как своими собственными. Я научила его контролировать гнев, улыбаться так, чтобы ему верили, говорить с окружающими как с равными, а не с высоты отрешенного превосходства. Благодаря мне его острые, холодные углы сгладились до уровня допустимой ершистости.

Перемены в нем не остались незамеченными. Как-то утром, когда мы с ним ввалились в столовую, чтобы позавтракать, прежде чем отправиться на прогулку, нас остановил судья Франкенштейн.

– Сегодня у нас будут гости, – провозгласил он так, словно выносил обвинительный приговор, и уставился на нас в ожидании реакции.

Руки мадам Франкенштейн вспорхнули к лицу, пока она подыскивала подходящее выражение. Наконец она остановилась на радостном волнении, хотя глаза ее сверкали слишком ярко, а улыбка была слишком широкой.

– Это новая семья, – сказала она, – которая не знает про... которая с нами еще не знакома.

Мы с Виктором обменялись взглядами. Я до той поры не спрашивала, что случилось со вторым ребенком Франкенштейнов, который родился после Виктора и до Эрнеста. Что-то просочилось в газеты – должно быть, нечто ужасное, раз Франкенштейны покинули Женеву и отправились в путешествие – путешествие, из которого вернулись уже со мной. Поэтому мой интерес к пропавшему ребенку ограничивался той ролью, что он сыграл в моем спасении.

Но по волнению мадам Франкенштейн было件нятно, что этих гостей выбрали именно из-за того, что они поселились в Женеве после событий, заставивших Франкенштейнов

уехать за границу. Виктор начал хмуриться, но уже по тому, что в его неподвижности было что-то дикое, я догадалась, что ничем хорошим это не закончится.

Я схватила его под столом за руку и сказала с широкой улыбкой:

– Мы с Виктором прочтем для вас стихотворение.

Какой бы животный инстинкт ни рвался из Виктора наружу, я перебила его нелепостью своего предложения.

– Ты же знаешь, что я не читаю стихи, – покачал он головой. – Этим занимаешься ты.

– Ну тогда я прочту стихотворение, а ты можешь присвоить себе всю славу, потому что я умею читать и ценить поэзию только благодаря твоим урокам!

Он рассмеялся, но по румянцу на его щеках я поняла, что он польщен. Ему будет проще взаимодействовать с другими людьми, прикрываясь мной, как щитом. Я не возражала.

Ради него я была согласна на все.

– Значит, решено, – сказал судья Франкенштейн. – Месье Клерваль торговец. Не из благородного сословия, но он добился немалых успехов и высоко поднялся в обществе. Теперь он довольно состоятелен. И у него есть сын твоего возраста, Анри.

Я не сомневалась, что судья Франкенштейн говорит о возрасте Виктора. Он редко обращался ко мне напрямую. Как правило, он просто меня не замечал.

Виктор насторожился. Не замечая этого, его отец продолжил:

– Я слышал, что о новом директоре городской школы хорошо отзываются. Если ты поладишь с Анри, мы можем отправить тебя в школу.

Я настойчиво сжала руку Виктора. Я видела, как он запаниковал, как напряглась каждая черточка на его лице. Я вскочила на ноги.

– Мы можем идти? Нам нужно подготовиться!

Не дожидаясь позволения выйти из-за стола, я в качестве извинения сделала книксен и потащила Виктора прочь из комнаты.

– О чем они только думают? – кричал он, меряя шагами детскую, которая пока еще принадлежала нам, а не младенцу. – Приглашать сюда посторонних! Как будто я просил, чтобы мне искали друзей. Как будто они мне нужны!

– Виктор, – сказала я. – Только подумай, сколько интересного можно узнать в школе! Здесь у нас таких возможностей нет. Мы уже прочитали почти все книги в доме. Но если у тебя будет доступ к новым книгам, хороший учитель... – Я возбужденно замахала руками. – Мы за месяц узнаем больше, чем вдвоем узнали бы за год!

Он поймал мои руки, которыми я рисовала в воздухе свои грандиозные планы, и прижал их к своим бокам.

– Ты ведь знаешь, что ты не сможешь пойти в школу.

– Конечно, знаю, глупый. – Я постаралась скрыть, как сильно меня ужалили его слова. На самом деле я даже не думала об этом. Я всегда была рядом с Виктором. Я уже представляла, как мы вместе ходим в школу. Понимание того, что я не буду – что мне нельзя – ходить с ним, обрушилось на меня волной и накрыло с головой. Я забарахталась, пытаясь выплыть на поверхность, сделать вдох и успокоиться.

– Значит, ты хочешь, чтобы нас разлучили?

Его темные глаза сверкнули, и я поняла, что сейчас разразится буря.

Много лет мы были неразлучны – настолько, что я уже не понимала, где заканчивается он и начинаюсь я.

– Нет! Ни за что. Но раз я не могу ходить в школу, тебе придется учиться за двоих и приносить полученные знания мне. Ты будешь моим разведчиком, будешь уходить в экспедиции и приносить мне сокровища. Пожалуйста, Виктор.

Мне было всего одиннадцать, но я хотела большего. Я никогда не думала об этом прежде, но мысль о нескольких часах свободы каждый день уже успела пустить корни и обвить мне легкие. Я поняла вдруг, что задыхаюсь в доме Франкенштейнов.

Я хотела ходить в школу вместе с Виктором. Я не могла этого делать. Но если Виктор уйдет, во мне никто не будет нуждаться. По крайней мере, эти несколько драгоценных часов. А потом он вернется с новыми знаниями.

Все, что мне нужно сделать, – это позаботиться о том, чтобы Анри и Виктор поладили. Я широко улыбнулась Виктору, не сомневаясь, что победа уже у меня в руках.

Мы с Виктором встретили Анри одетыми во все белое и держась за руки, как одно целое. Улыбка Анри была застенчивой, но искренней. Его открытое круглое лицо было совершенно не способно на обман. Если Виктор был холоден и отрешен, а я – обманчива, как кислая ягода, то Анри был ровно таким, каким мы его видели: самым обаятельным ребенком на свете. Даже его голубые глаза были чисты, как озеро в летний день.

Часть меня презирала его за то, как отчаянно он желал стать нашим другом. Он готов был ползать на четвереньках и гавкать по-собачьи, если бы мы сказали, что хотим поиграть в собак. Он смотрел на Виктора с таким приторным благоговением, что у меня ныли зубы. Если моя любовь к Виктору была исключительно эгоистична, любовь Анри была ее полной противоположностью.

И я, привыкшая судить людей по тому, чем они могли быть мне полезны, почувствовала, как мое сердце раскрывается при виде щербатой улыбки, осветившей его лицо, когда он увидел давно заброшенный нами сундук с маскарадными костюмами.

– У вас есть мечи? – спросил он, роясь в ворохе одежды. – Мы можем поставить пьесу!

Возможно, его родители привели его сюда в надежде упрочить свое положение в обществе, а родители Виктора пригласили его в надежде упрочить прогресс в социализации своего трудного ребенка. Анри же...

Анри пришел, чтобы хорошо провести время.

– Мне он нравится, – шепнула я Виктору. – Он глупый. Надо его оставить.

Анри развернул в воздухе отрез потертого пурпурного бархата и прищурился, словно представляя его плащом на плечах Виктора.

– Виктор пусть будет королем. В нем есть что-то царственное. И он гораздо красивее меня и умнее на вид.

– И ты ему нравишься, – шепнула я, подталкивая Виктора локтем. Он стоял неподвижно и молчал с того момента, как я сказала, что мне нравится Анри. – А значит, у него есть немного мозгов.

Виктор, смягчившись, слегка улыбнулся. Я позволила Анри нарядить меня королевой, а Виктор снизошел до роли короля. В тот день мы представили восхищенным родителям короткую пьесу. Я стояла между двумя мальчиками, сверкая поддельными драгоценностями и неподдельной радостью.

Пусть я и не могла ходить в школу, отправить туда Виктора тоже было неплохо.

Профессор Вальдман, к которому мы затем направились, был обладателем пресного, но абсолютно симметричного лица, а его одежда выдавала в нем человека, который тщательно заботится о внешности. В письме Виктора профессор Вальдман получил куда более лестную оценку, чем профессор Кремпе, но вскоре выяснилось, что знает он не больше своего коллеги. Он тоже получил от Виктора ворох вопросов и требований уделить ему время, но уже больше года не слышал от него ни слова. Нет, он не помнит, искал ли Виктора другой юноша, потому что у него нет ни времени, ни терпения для таких вещей, – и, разумеется, у него нет ни времени, ни терпения для двух неразумных девиц, интересующихся одаренным студентом, который глубоко разочаровал его, исчезнув без следа.

– Рекомендую поискать в игорных притонах, задних комнатах кабаков и на дне реки, – ехидно сказал профессор Вальдман. – Там частенько пропадают люди.

После этого он бесцеремонно захлопнул перед нами дверь. Уродливый, поблекший от времени медный дверной молоток оскалился мне в лицо, высмеивая мою неудачу.

Я поклялась, что, если фрау Готтшальк не запрет нас снова, я вернусь и брошу ему в окно камень.

Жюстина, дрожа, натянула шляпку пониже, пряча лицо.

– Мне так жаль, Элизабет. Мы пытались. Я знаю, как вы обеспокоены, но я не думаю, что нам стоит здесь оставаться. У нас больше нет сведений. Если Виктор... когда Виктор захочет, чтобы его нашли, он вам напишет. Вы сами сказали, что он непредсказуем и может хандрить месяцами.

Стиснув зубы, я покачала головой. Я вложила в это предприятие слишком много усилий и времени, чтобы сдаваться. Всю свою жизнь я была такой, какой хотел меня видеть Виктор.

Теперь я хотела видеть *его*. И я не собиралась отступать.

– Мы знаем, что Анри его нашел, – продолжила Жюстина, убеждая саму себя в необходимости вернуться и на глазах обретая уверенность. – Может быть, они уехали за границу или отправились на учебу куда-то еще. Ничего удивительного, что от них нет вестей. Письма теряются, бывает, задерживаются. Я уверена, что дома нас уже ждут какие-нибудь новости. – Она наконец подняла горящие радостным ожиданием глаза. – Эрнест будет так счастлив, когда мы вернемся. Он прибежит нас встречать с письмом в руке! А малыш Уильям сядет мне на колени, и мы будем смеяться над этой глупой задержкой, из-за которой нам пришлось зря ездить в такую даль!

Теория Жюстины звучала вполне убедительно. Но ее версия не приносила мне утешения. Я отказывалась верить, что Виктор уехал из города. Еще слишком рано. Виктор обещал, что однажды мы вместе отправимся в путешествие по Европе. Вернемся на озеро Комо. Побываем в зловещих, диких Карпатах. Посмотрим на греческие развалины. Увидим все те места, о которых читали в книгах.

Кроме того, я вспоминала последнее письмо Анри и не могла представить развития событий, в котором они бы помирились.

Я подалась вперед и поцеловала ее в щеку.

– Я хочу проверить еще одно место. Пожалуйста. Она вздохнула, уже готовая отказаться ради меня от своих желаний. Больше всего на свете ей хотелось вернуться в уединенное поместье Франкенштейнов и спрятаться в детской с маленьким Уильямом. А я не давала ей это сделать. «А если он меня забудет?» – спросила она по пути сюда. Как будто пятилетний ребенок мог забыть женщину, которую знал лучше матери! Женщину, которая стала для него всем, когда его родная мать умерла. Разумеется, несколько дней под присмотром бестолковой служанки не заменят Жюстину.

– Где еще его можно искать? – спросила она.

– Там, куда люди идут за ответами. – Я улыбнулась, взяла ее за руку и потянула за собой. – В библиотеке.

Глава пятая

Туда стремлюсь я; укажите мне дорогу

Благородные темные деревья, отполированные временем и бережными руками, возвышались от пола до потолка идеально ровными рядами. Вместо ветвей – полки. Вместо листьев – книги.

О, эти книги.

Я дышала так жадно, что у меня закружилась голова. Я пыталась одним только усилием воли впитать собранные здесь знания. Я водила рукой по веренице кожаных обложек с золотым тиснением, скрывающих сокровища.

– Я могу вам помочь, юные леди?

На нас недружелюбно смотрел мужчина. Его черты собрались вокруг очков так, словно не очки подбирались под лицо, а лицо выросло, чтобы подходить под очки. Кожа его была бледной и сухой, как пергамент, который он охранял.

Я хотела провести с книгами больше времени. Я хотела остаться здесь на весь день, пристроившись в тихом углу у окна среди слов и миров, в которые меня прежде не пускали.

Но у меня не было времени. Если я не найду Виктора сегодня, нам придется вернуться домой из-за Жюстины. Но я не могла вернуться. Я все еще не нашла то, за чем приехала. Я не могла вернуться и вести хозяйство в доме молчаливого неблагодарного человека и каждый день со страхом ждать того момента, когда он сообщит, что больше не нуждается в моих услугах. Что мое время в качестве временного члена семьи Франкенштейн подошло к концу. Что я целиком и полностью предоставлена самой себе.

Этот библиотекарь поможет мне. Я заставлю его это сделать. Я благосклонно улыбнулась.

– Пожалуй, да. Я ищу своего кузена. Он недавно переехал, а мы отправились к нему прежде, чем получили письмо с новым адресом.

Жюстина резко вскинула голову, услышав мою ложь, но я продолжала как ни в чем не бывало:

– К сожалению, его домовладелец заболел и не смог вывести новый адрес Виктора у его чрезмерно старательной служанки. Можете себе представить, в какой ситуации мы оказались. Нам действительно нужно его найти. А поскольку ничто на свете не приносит ему больше удовольствия, чем книги, а это лучшая библиотека, которую я когда-либо видела, я уверена, что здесь мы обязательно выйдем на его след!

Мужчина вымученно вздохнул, но, похоже, смягчился. Мне не нужны были его драгоценные книги. Я была всего лишь девицей, которая искала знакомого юношу.

– Моими книгами пользуется огромное количество студентов. Сомневаюсь, что я смогу вам помочь. Как, говорите, его зовут? Виктор?

– Да. Виктор Франкенштейн.

– Ах. – Он удивленно вскинул брови, едва не потеряв очки. – *Это* имя мне знакомо. Он сидел здесь целыми днями, часто до самого закрытия. Несколько раз по утрам я встречал его на ступенях у входа; подозреваю, что он даже не возвращался домой на ночь. Станный и нервный молодой человек.

Я засияла.

– Это наш Виктор!

– Что ж, с сожалением вынужден сообщить, что он не появлялся здесь уже...

– Год? – закончила я обреченно.

– Семь или восемь месяцев. К тому моменту он исчерпал обширные запасы даже этой библиотеки.

Мое сердце застучало быстрее, а в груди встрепенулась надежда. Это случилось уже после того, как он съехал из известного нам дома!

– У вас есть его адрес?

– Нет.

Мои надежды были разбиты. Стараясь не выдавать глубины своего отчаяния, я полезла в сумочку за одной из последних заготовленных мною визитных карточек.

– Если вы вспомните...

– Можете спросить у книготорговца.

Мои пальцы замерли в сумочке, касаясь шелка подкладки.

– У кого?

– Через три улицы отсюда – налево от библиотеки, на следующем повороте направо – есть книжная лавка. Ее владелец иностранец. Он специализируется на редких научных и философских книгах, которые слишком дороги и содержат слишком радикальные идеи, чтобы хранить их здесь. Я дал его адрес вашему кузену, и после этого он перестал сюда приходить.

Я была готова расцеловать его сухие щеки, но ограничилась более подобающей благодарностью: ослепительной улыбкой. Его отвыкшие улыбаться губы дернулись вверх, как будто пытались вспомнить, что это такое.

– Спасибо!

Я схватила Жюстину за локоть и закружила ее, а потом едва ли не бегом кинулась к выходу.

– Не спешите, – остерегла она и схватила меня за плечо, не давая мне выскочить на мостовую под колеса проезжающего мимо экипажа.

Я расхохоталась, задыхаясь от волнения.

– Ты меня спасла! Видишь, мы наконец-то в расчете.

– Ох, Элизабет. – Она поправила выбившийся у меня из-под шляпки локон и достала из ниоткуда шпильку, чтобы его закрепить. – Вы хотите есть? Может быть, поедим где-нибудь, прежде чем искать книготорговца?

По ее лицу я видела, что она устала. Обычно этого бывало достаточно, чтобы я безропотно уступила, но только не сегодня. Не сейчас, когда я была так близка.

Или так далеко.

Потому что книготорговец был моей последней зацепкой. И я не могла больше жить в ожидании одного из двух вариантов развития событий: или я найду Виктора, или вернусь домой без него – и без защиты.

Франкеништейны забрали меня с озера Комо и взяли с собой в путешествие по Европе. Я была слишком мала, чтобы оценить что-то помимо полного желудка и отсутствия побоев. Но не настолько мала, чтобы не понимать шаткости своего положения. Когда мы наконец сели в лодку и нас повезли в их уединенный дом на противоположном от Женевы берегу озера, мне казалось, что мы плывем по воздуху. Стоял ясный день, и вода вокруг отражала безоблачное небо, как зеркало.

Дом вынырнул из-за деревьев, словно в сказке. Он лежал в засаде, готовый нас проглотить. Остроконечные крыши впились в небо, словно зубы. Все в нем было заостренное: окна, двери, даже кованые ворота, которые медленно открылись, пропуская нас внутрь.

Каким-то шестым чувством я понимала, что это дом-хищник. Но я была умна, как кролик – юркий, сообразительный, маленький кролик. Я взяла мадам Франкеништейн за руку и, задрав голову, заулыбалась.

– Ах, – сказала она удивленно; она всегда удивлялась, когда вспоминала обо мне. Она улыбнулась и погладила меня по голове. – Тебе здесь понравится. И Виктору это пойдет на пользу. И всем нам.

Одна из трех служанок отвела меня в комнату. Четыре столбика кровати перекликались со свинцовыми прутьями на окне, из-за чего комната напоминала клетку. Но матрас был мягкий, а одеяла – теплые, и бдительность зверька была усыплена.

Просыпаясь по утрам, несколько драгоценных секунд я лежала с крепко зажмуренными глазами. Я вспоминала ощущение пустого живота, жестокие побои, страх, холод и всегда – неизменно – голод. Несколько драгоценных секунд я держалась за эти воспоминания, а потом открывала глаза и улыбалась.

Меня продали Франкенштейнам за пару монет, и я жила в страхе, что и они когда-нибудь меня продадут. Я зависела от их милости, поэтому я делала все, что было в моих силах, чтобы сохранить их любовь. Возможно, они бы простили мне непослушание, но я не собиралась рисковать. Никогда.

Я нравилась Виктору, но он был всего лишь ребенком. Мадам Франкенштейн большую часть дня проводила в постели. Я не могла положиться на ее доброту. А судья Франкенштейн никогда даже не обращался ко мне напрямую, а к моему присутствию относился с тем же равнодушным снисхождением, какое он проявил бы, приведи его жена бродячую собаку.

Мне необходимо было стать той, кого они полюбят. И потому я выбиралась из постели, оставляя в ней все свои желания, и надевала неизменную кроткую улыбку так же, как надевала теплые носки.

Виктор был странным. Но сравнить его я могла только с маленькими дикарями моей опекунии. Виктор никогда меня не бил, никогда не воровал мою еду, никогда не удерживал мою голову в озере, пока перед глазами не начинали кружить звезды. Он пристально, осторожно наблюдал за мной, словно изучая мою реакцию на все вокруг. Но я была осторожнее него и никогда не показывала ничего, кроме любви и восхищения.

Только прожив в доме у озера несколько спокойных недель, я наконец поняла, почему в обращенных к нему взглядах отца и матери иногда появлялся страх.

Я собиралась у себя в комнате и как раз надевала туфли, когда услышала пронзительные крики.

Первым моим порывом было спрятаться. В шкафу было местечко – на вид слишком тесное для человека, но я знала, что помещусь: некоторое время назад я на всякий случай это проверила. Кроме того, окно было открыто, и я могла выпрыгнуть, спуститься по шпалере и в считанные секунды спрятаться среди деревьев.

Но я знала, что люди, которые живут в красивых домах, так не поступают. И если я хотела остаться, то возвращаться к прежним привычкам было нельзя.

Я тихонько выбралась из комнаты, прошла по коридору и на цыпочках спустилась вниз по лестнице. Теперь я поняла, что это голос Виктора, хоть он и был искажен злобой так, как я еще не слышала. Голос доносился из библиотеки – комнаты, куда мне входить запрещалось.

Немного потоптавшись снаружи, я толкнула дверь.

Виктор стоял спиной ко мне в центре комнаты, по которой как будто прошелся ураган. Пол был завален порванными книгами. Виктор тяжело дышал, а его узкие плечи дрожали от крика, который можно было ожидать скорее от животного, чем от человека. В руке он сжимал нож для бумаг.

В дальнем конце комнаты жались к стене его родители с перекошенными от страха лицами.

Я все еще могла уйти.

Но судья Франкенштейн посмотрел на меня. Он никогда на меня не смотрел. В тот день в его глазах была отчаянная мольба. И тяжкий груз ожидания.

Инстинкты взяли верх. Мне приходилось освобождать зверей, попавших в капканы. Происходящее чем-то напоминало этот опыт. Тихонько напевая без слов, я медленно приблизилась к Виктору. Я протянула руку и осторожно погладила его по затылку; теперь я напевала

полузабытую колыбельную. Он застыл, и его тяжелое дыхание замерло в груди, постепенно успокаиваясь. Не переставая поглаживать его по затылку, я обошла его так, что мы оказались лицом к лицу. Я посмотрела ему в глаза – распахнутые глаза с расширенными зрачками.

– Привет, – сказала я. И улыбнулась.

Он смотрел на меня, сдвинув брови. Я перенесла руку с затылка ему на лоб, разглаживая его напряженные черты.

– Элизабет, – сказал он.

Не глядя на учиненные им разрушения, он опустил глаза и уставился на наши ноги.

Я забрала у него нож для бумаг и положила его на стол. Потом взяла его за руку и сказала:

– Давай устроим пикник?

Он кивнул, все еще пытаясь восстановить дыхание. Я развернула его к двери. Уводя его из комнаты, я оглянулась через плечо и увидела на лицах его родителей подобострастное облегчение и благодарность.

Он никому не причинил реального вреда, но упрочил мое положение в семье. Может, я и принадлежала ему, но и он тоже принадлежал мне.

С того дня мы с ним стали по-настоящему неразлучны.

– Я тоже ему нужна, – сказала я.

– Что? – откликнулась Жюстина и притормозила перед домом с обшарпанной серой дверью.

Я помотала головой.

– Смотри!

На другой стороне улицы виднелась книжная лавка, притулившаяся в вечной тени нависающего над ней особняка.

На этот раз я подождала, чтобы удостовериться, что мы не попадем под копыта проскакавшей мимо лошади, но только ради спокойствия Жюстины. Затем я торопливо потащила ее через мостовую. Задыхаясь от волнения, я толкнула тяжелую дверь лавки.

Приглушенно, с какой-то обреченностью зазвенел колокольчик, возвещая о нашем появлении узкие стеллажи и опасно покосившиеся полки. Если библиотека поражала величием и пышностью, это место производило гнетущее, давящее впечатление. Каким образом здесь можно было подступиться к поискам желанного сокровища, для меня оставалось загадкой.

– Минуточку, – раздался откуда-то неожиданно высокий, женственный голос. Насколько я могла судить, комната могла уходить в глубину на несколько лиг – полный обзор перекрывали полки. Это был лабиринт знаний, вот только путеводной нити у меня не было. Мне придется подождать, пока Минотавр придет ко мне сам.

Жюстина встала у порога, чопорно сложив руки перед собой. Она напряженно, с надеждой улыбнулась мне. Я была слишком взвинчена, чтобы улыбнуться в ответ. Я уже собиралась звать книготорговца, когда из-за стеллажа появилась женщина немногим старше нас. Ее передник был покрыт пылью, а в волосах, убранных с помощью шпилек, торчал кончик угольного карандаша.

Она была красива какой-то приземленной красотой: не напоказ, не из необходимости – ее красота была просто частью ее самой. Ее волосы и кожа были смуглее, чем у большинства местных жителей. В глазах светились пронизательность и осмысленность, свидетельствующие о живом уме, и мне немедленно захотелось с ней познакомиться. А еще мне захотелось узнать, как молодая женщина смогла получить работу в книжной лавке.

– О! Я ожидала увидеть кое-кого другого. – Она недоуменно улыбнулась.

Мое сердце пустилось вскачь.

– А кого вы ожидали увидеть?

Неужели Виктор может прийти сюда с минуты на минуту?

– Постоянного клиента, профессора с кислым лицом и двойным подбородком, который каждый раз сетует на наши цены и вопит, что это грабеж, *грабеж* среди бела дня, и что он не станет терпеть подобного обращения. А потом все равно выкладывает денежки, ведь того, что ему нужно, больше нигде не найти. – Она сложила ладони вместе и потерла руки, чтобы избавиться от пыли, которая, как я подозревала, покрывала ее постоянно. – Но вы двое все равно что букет от возлюбленного! Я собиралась закрываться на обед. Какие книги вам нужны?

– Мы пришли не за книгами. Мы ищем моего кузена.

– Боюсь, я продала последнего кузена вчера, и на полках ни одного не осталось. Я могу сделать заказ, но вам придется подождать несколько недель. – Ее глаза заискрились весельем, но тут она заметила мое отчаяние, и ее лицо смягчилось. – Похоже, это долгая история. Не желаете присоединиться ко мне за обедом? Мне так редко выпадает возможность пообщаться с женщинами!

Я открыла рот, чтобы отказаться, но Жюстина меня опередила.

– О да! Это было бы замечательно, – облегченно воскликнула она. – С тех пор, как мы приехали сюда вчера вечером, у нас не было ни минуты покоя.

– По вашему акценту можно заключить, что немецкий не ваш родной язык. – Она без труда перешла на французский. – Так лучше?

Жюстина, благодарно улыбаясь, кивнула. Мне было все равно, но с ее стороны любезно было подумать об удобстве Жюстины.

– Сожалею, что город принял вас неласково. Это Ингольштадт. В это время года теплого приема от него не дожدهшься. И, похоже, он снова готовится продемонстрировать, что не желает нас здесь видеть. – Она указала на окно, где первые капли дождя начали чертить по стеклу дорожки. – Нам нужно выйти и завернуть за угол. Скорее!

Она открыла дверь, и мы вышли за ней, спрятавшись вдвоем под одним зонтиком. Она шагала впереди, не обращая внимания на дождь. Я завидовала ее темным юбкам. На моих видна была каждая крупинка грязи, которую оставлял на мне город. Но мне пришлось надеть белое, потому что я собиралась увидеться с Виктором. Я *надеялась* увидеться с Виктором.

– Пришли!

Она завершила за угол и остановилась перед неприметной дверью. Достав ключ, она повернула его в замке.

– Я думала, мы идем в кафе, – сказала Жюстина.

– Местные кафе никуда не годятся, а цены ломают будь здоров! Я накормлю вас лучше. – Она повернулась и усмехнулась, обнажив кривоватые зубы, которые прижимались друг к другу, как стеллажи в ее лавке, придавая ей какое-то особое обаяние. – Меня зовут Мэри Дельгадо, – представилась она и посмотрела на Жюстину.

– Жюстина Мориц. А это Элизабет Лавенца.

– Приятно познакомиться. Заходите, не стойте под дождем.

Мы прошли за ней в тесную прихожую, заваленную книгами так, что ее тоже можно было принять за магазин. Книги были сложены стопками на столе, громоздились вдоль стен и занимали почти каждую ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж. Мимо высоких пирамид из книг наверх уходила узкая тропа.

– Только повнимательнее, тут повсюду книги, – сказала она, с привычной легкостью поднимаясь по лестнице.

Я наклонилась, разглядывая корешки. Я не видела никакой системы. Сборники стихов под политическими трактатами, политические трактаты под религиозными текстами, религиозные тексты под математической теорией. Я провела пальцами по книге по философии. Мои кружевные перчатки остались белоснежными. Все книги регулярно читались, и пыль просто не успевала скапливаться.

О, я была внимательна, еще как. Книги всецело завладели моим вниманием, и мне хотелось узнать больше о каждой из них. Но вместо этого мы поднялись за Мэри по лестнице в уютную гостиную. Тут, как ни странно, не было ни одной книги. У камина, в котором радостно пылал огонь, стояла потертая, но чистая софа и пара мягких кожаных кресел.

– Присаживайтесь, – донесся из соседней комнаты голос Мэри. – Прошу, присаживайтесь.

Мы повиновались. Жюстина довольно вздохнула, стянула с рук перчатки и отколола булавки, удерживающие шляпку. Я присела на краешек софы.

– У вас такой вид, словно вы готовы в любую секунду сбежать, – заметила Жюстина.

Я тоже сняла перчатки, но шляпку оставила. Мне хотелось вскочить и, подобно животному в клетке, начать мерить комнату шагами. Вместо этого я уставилась на огонь в надежде, что гипнотический танец пламени успокоит мой перевозбужденный разум.

Мэри поставила перед нами поднос с нарезанным хлебом, холодным жареным цыпленком и клинышком легкого пряного сыра.

– Не бог весть что, но это лучше, чем помои, которыми они за бешеные деньги потчуют доверчивых студентов!

Прежде чем я успела открыть рот и спросить ее о Викторе, она снова исчезла и вернулась с чайным сервизом. Когда она поставила его на стол и уселась сама, у меня наконец появилась возможность, не нарушая приличий, начать разговор.

Глаза Мэри засверкали.

– Так какого кузена вы себе подбираете?

Во мне боролись восхищение и раздражение. При других обстоятельствах я бы хотела иметь такую подругу. Но сейчас она – и только она – стояла между моим будущим и моим шатким настоящим.

– Мне нужен Виктор Франкенштейн.

Она замерла, не донеся чашку до губ.

– *Виктор?*

– Так вы его знаете?

Она рассмеялась.

– Ненасытные аппетиты Виктора позволили моему дяде снарядить заграничную экспедицию за книгами. Он уехал в прошлом месяце; выпорхнул из дому, окрыленный предстоящей поездкой. Думаю, дядя усыновил бы Виктора, если б мог. Он несколько раз заводил разговор о том, что мне стоит попытаться женить его на себе.

Я ошиблась. Мэри мне не нравилась. Ни капельки. Чашка задрожала у меня в руке, и я поставила ее, чтобы не разбить.

Должно быть, она почувствовала мою реакцию, потому что засмеялась снова.

– Можете меня не опасаться. Мне хватает компании книг. Я бы не смогла потеснить их ради кого-то вроде Виктора.

Виктор действительно занимал огромное пространство в жизни своих близких. А уехав, оставил после себя пустоту, которая теперь гудела, требуя, чтобы ее заполнили.

Я все равно не доверяла Мэри, но я нуждалась в ее помощи.

– Значит, вам известно, где он сейчас?

Мэри открыла рот, чтобы ответить, но задумалась.

– Я вдруг поняла, что не знаю, кто вы и чего хотите от Виктора. А последние несколько месяцев приучили нас всех к осторожности.

– О чем это вы? – спросила Жюстина. – Наша домовладелица тоже очень живо пеклась о нашей безопасности.

– Это, конечно, только слухи. Один матрос пропал. Напился в кабаке, а на следующий день исчез без следа. Бывает, люди уезжают, не говоря никому ни слова. Обычное дело среди

бедняков, которых мало что держит на одном месте. Но в последнее время в городе ощущается... не страх, нет, но какая-то тревога.

– Уверяю вас, я не намерена убивать Виктора, – сказала я и заставила себя улыбнуться. Сделать так, чтобы он исчез из города, – возможно. Но если он был таким образцовым покупателем, вряд ли она обрадуется, узнав, что я собираюсь его увезти. – Он мой кузен. Он уехал в Женеву два года назад...

– После смерти матери, – добавила Жюстина.

– Да, когда его мать умерла. Он уехал, чтобы учиться здесь. От него несколько месяцев не было вестей, и я начала беспокоиться. Он может чересчур увлечься чем-то и совсем перестать заботиться о себе. Мы только хотели убедиться, что с ним все хорошо.

Мэри вопросительно подняла бровь.

– Но вы не знаете, где он живет?

За меня ответила Жюстина:

– Его друг Анри приезжал несколько месяцев назад, чтобы его проведать, но...

Я многозначительно кашлянула. До сих пор Жюстина вела себя так тихо! Но эта Мэри заставила ее разговориться. Жюстина не контролировала ход беседы – а следовало бы.

– И ваш Анри ничего вам не написал?

Мэри устремила на меня проницательный взгляд. Почему мужчины приняли мои неправдоподобные объяснения без единого сомнения, а эта девица цеплялась за каждое слово?

– Написал, – ответила я. – Но он в своей безалаберности и не подумал, что нам может понадобиться адрес Виктора.

– И Анри не в состоянии помочь вам сейчас?

Я избегала вопросов Жюстины о местонахождении Анри, позволяя ей думать, что он находится в городе и может нам помочь. Она доверяла ему. Мысль о нем успокаивала ее, когда я уговаривала ее отправиться в поездку. Но если я хочу, чтобы Мэри ответила на мои вопросы, мне тоже придется это сделать.

– Анри уехал в Англию вскоре после того, как нашел Виктора, – сказала я, поставила чашку и наклонилась вперед, чтобы не видеть лица Жюстины. – Можете себе представить, какое изнурительное это было путешествие!

Голова Жюстина мотнулась в мою сторону.

– В Англию? Вы знали? Но вы же сказали, что он здесь!

– Он здесь был. Примерно шесть месяцев назад. Я наконец обернулась и при виде ее выражения почувствовала себя хрупкой, как чайная чашка. Я приготовилась к возмущению, но встретила лишь боль и мягкий упрек.

– Почему вы мне не сказали?

– Я знала, что ты будешь беспокоиться, если поедешь в незнакомый город, в котором нет никого, кому ты доверяешь. Но Виктор здесь, а я доверяю Виктору. Прости, что не рассказала тебе про Анри. Мне нужно было, чтобы ты поехала. Одна я не справлюсь.

Жюстина не поднимала глаз от еды, но ее рука скользнула в сумочку и, вне всяких сомнений, нащупала маленького свинцового солдатика.

– Вы должны были мне рассказать.

– Да. – Я вгляделась в ее лицо, пытаюсь понять, кто огорчил ее больше: я или Анри. Я не знала, испытывала ли она к нему какие-либо чувства, кроме дружеских. Я никогда не поощряла их: я хотела иметь под рукой запасные варианты. Но теперь эти варианты стали недоступны и ей, и мне. Я протянула руку и, обняв ее за плечи, привлекла к себе. С неохотой, но она придвинулась ближе. – Прости меня. Я поступила эгоистично. Но я была сама не своя от беспокойства о Викторе.

Жюстина молча кивнула. Я знала, что она меня простит, и не жалела о том, что сделала. Мы были в Ингольштадте. Мы найдем Виктора. И на фоне нашего успеха никто не вспомнит, какими правдами и неправдами я его добилась.

Мэри откинулась на спинку кресла, отщипнула двумя пальцами кусочек цыпленка и закинула его в рот.

– Итак, Виктор приехал учиться и перестал писать. А потом Анри поехал проведать его и сразу же отбыл в Англию, не оставив вам адреса Виктора?

– Если коротко, да, – ответила я сухо. – Вы же знаете, что мужчины редко задумываются о наших чувствах. Они так увлекаются собственными делами, что забывают о нас, и нам остается ждать дома в постоянной тревоге.

– Мне это знакомо. С тех пор, как дядя уехал, я не получила от него ни одного письма. Я себе места не нахожу. – Она вытерла пальцы о передник. – Про Анри мне ничего не известно. Если он и приходил в магазин, скорее всего, он говорил с дядей. Но я узнаю Виктора в вашем описании, а ваше беспокойство мне кажется вполне искренним. Он необычный юноша, одержимый странными идеями. И, честно говоря, довольно грубый. Но я не жалею: у меня сложилось впечатление, что он груб со всеми, и его грубость не связана с моим полом и происхождением. Он не заходил в магазин вот уже несколько месяцев.

У меня поникли плечи. Я солгала Жюстине, ввела ее в заблуждение и, что еще хуже, дала судье Франкенштейну отличный повод выставить меня на улицу – и все напрасно!

– Но, – Мэри наклонилась вперед и пальцем подняла мой подбородок, – у меня сохранился его последний заказ, на котором должен быть адрес доставки. Возможно, он там уже не живет, но я знаю, что дядя заходил к нему перед отъездом, так что...

– Прошу вас, дайте его мне!

Я не скрывала отчаяния. Она могла потребовать у меня что угодно, и я бы согласилась.

Но она просто встала и вышла из комнаты. Жюстина жевала, не глядя на меня. Мне следовало извиниться еще раз, но я была слишком взволнована.

Наконец Мэри вернулась с клочком бумаги в руке.

– Держите. – Она протянула его мне.

Этот адрес отличался от того, который я уже проверила. И использовался он всего шесть месяцев назад!

Кроме бумаги Мэри принесла плащ и зонтик.

– Вам, наверное, нужно вернуться в магазин, – сказала я, поднимаясь с софы. Жюстина вздохнула, с тоской глядя на оставшуюся еду, но последовала моему примеру. – Большое спасибо за вашу помощь и доброту!

– Когда дядя уехал, покупателей стало мало. За несколько часов с магазином ничего не случится, а я провожу вас к месту жительства Виктора. Это не самая дружелюбная часть города.

Жюстина рассмеялась, и, хотя это был грустный смех, я украдкой вздохнула с облегчением.

– Кажется, в этом городе нет дружелюбных частей.

Мэри натянуто улыбнулась.

– Наверное, я выразилась слишком мягко. Его дом находится в той части города, в которой женщине нельзя бывать в одиночку, – и даже двум женщинам, если они плохо знают местность. – Она накинула плащ, сняла с крючка у двери шляпу и надела ее, прикрыв карандаш в волосах. – И потом, я умираю от любопытства. Я видела, какие книги искал Виктор. Хотелось бы мне знать, зачем они ему понадобились. И какая муха его укусила, если он постыдным образом забыл о таких очаровательных и заботливых друзьях, как вы.

– Нам всем хотелось бы это знать, – мрачно пробормотала я и вышла вслед за ней в обливающийся слезами город.

Глава шестая

Обвел угрюмыми зеницами вокруг

В других обстоятельствах я могла бы разглядеть очарование Ингольштадта. Крутые крыши теплого оранжевого цвета, жизнерадостные ряды разноцветных домиков, широкие, просторные улицы. Здесь было несколько парков и собор, который возвышался над городом, присматривая за его жителями. Я чувствовала его взгляд затылком, чувствовала, как он наблюдает за каждым моим движением. Его шпили, недремлющие часовые, были виды почти из любой точки города. Наблюдал ли за нами Бог? И если да, что он видел? Интересовали ли его замыслы жалкой его рабы, среди заслуг которой значились лишь семнадцать лет жизни?

Если он наблюдал, это означало, что он наблюдал *все это время*. А если он наблюдал все это время, значит, он был подлым, злопамятным стариком, потому что все видел и ничего не делал. Ни для меня. Ни для Жюстины.

Нет. Жюстина сказала бы, что Бог ответил на ее молитвы, когда послал ей меня. И еще, наверное, сказала бы, что на мои молитвы Бог ответил, послав мне Виктора.

Но это было невозможно. Я не молилась в детстве и уж тем более не молилась сейчас. Конечно, Бог, и без того скупой на чудеса, не стал бы отвечать на молитвы, которые никогда не звучали. Я не раскаивалась в том, что далека от Бога. Если мне нужна была помощь, я помогала себе сама.

Мы миновали старое здание на городской площади. На улице было пасмурно и дождливо, краски поблекли, смешались в одну, как на палитре под струей воды. Я хорошо изучила карту и теперь знала, что Мэри ведет нас в сторону Дуная, на окраину города. Ради себя и Жюстины я призвала на помощь всю свою уверенность, и все же я была рада, что у нас есть проводник. С тех пор, как я поселилась на озере в доме Франкенштейнов, я не бывала нигде, кроме Женевы. Этот город, каким бы приятным он ни был, был мне незнаком. А я знала, что незнакомцам доверять нельзя.

Мы прошли через торговую площадь и оказались в жилом квартале. Средневековая стена вокруг города поддерживалась в хорошем состоянии и до сих пор отмечала границы Ингольштадта. Мы шли вдоль нее, пока не оказались у древней сторожки у городских ворот. Шум дождя, барабанившего по нашим зонтикам, притих на одну долгую секунду, пока мы шли под стеной.

В этот момент мне показалось, что я снова слышу звук из моих снов. Душераздирающий крик, полный такого одиночества, что в сравнении с ним даже компания обреченных на вечные муки в аду была бы утешением.

Я повернула голову, вглядываясь в темноту сторожки. Внутри было несколько дверей – все были заколочены, но одна из них выглядела так, словно ее недавно открывали, а потом неумело заколотили снова.

– Вы слышали...

Мэри только отмахнулась.

– Это старый город. Здесь даже камни оплакивают прошлое. Тут уже недалеко, но нам еще предстоит перейти мост.

Жюстина, однако, тоже тревожилась и не скрывала этого.

– Нам нельзя задерживаться, – сказала она. – Фрау Готтшальк оставит нас ночевать на улице.

– Очаровательно, – сказала Мэри. Лишь ее голос вносил в этот серый день немного жизни. – Раз так, давайте поторопимся.

Мы вышли за пределы старого города. В этой части Дуная собирались для погрузки и разгрузки товаров корабли, хотя сейчас команды в основном сидели без дела, ожидая, когда

закончится дождь. Мы почти сумели перебраться через мост без происшествий, но в последний момент проезжающий мимо экипаж окатил наши юбки водой из лужи. Мысль о том, чтобы предстать перед Виктором в платье, которое было не безукоризненно белым, наполнила меня ужасом. Все страхи нашей с ним первой встречи вернулись, и я снова почувствовала себя маленькой девочкой с грязными ногами.

Что я могла предложить ему сейчас? У меня не было деревьев, на которые можно залезть, не было гнезд, полных яиц. У меня не было крошечных хрупких сердечек в качестве подношения – только мое собственное. Я вздернула подбородок, прогоняя минуту слабости. Я буду его Элизабет – той, кого я так тщательно вылепила с его помощью. И он вспомнит, и снова полюбит меня, и я буду в безопасности.

Анри уехал и предал меня; ему не достанется больше ни единого удара моего сердца. Мне не следовало подпускать его так близко. Он с самого начала представлял для меня угрозу.

Ускользающие из памяти годы, когда Анри был заводилой наших игр, а Виктору хватало знаний, которые он получал в школе, были заполнены светом; их я, наверное, могла даже назвать беззаботными. Было нечто удивительное в том, что рядом со мной всегда был Виктор с его склонностью к приступам гнева и холодной отстраненности и Анри – светлый, неунывающий, готовый принимать на веру чудеса природы, не задаваясь вопросами их происхождения.

Я видела голод, с которым Анри искал внимания и расположения Виктора, и понимала, что любовь Виктора – редкий дар, а редкое всегда ценится больше всего. В благодарность за этот дар я приложила все силы, чтобы стать такой, какой меня хотел видеть Виктор. Милой. Нежной. Изобретательной и сообразительной, но не настолько, чтобы его превзойти. Я смеялась над шутками и пьесами Анри, но лучшие свои улыбки берегла для Виктора, зная, что он коллекционирует их и прячет в своем тайнике.

Я стала такой девочкой, чтобы выжить, но чем дольше я жила в ее теле, тем проще мне становилось просто быть ею. Мне было двенадцать, и я готовилась навсегда распрощаться с детством. Но мы продолжали играть так, как будто были детьми. Я была Гвиневрой для Артура и Ланселота, играла в драмах Анри, с любовью составленных из отрывков, которые он заимствовал у великих драматургов прошлого. Лес был нашим Камелотом. Все наши недруги были воображаемыми, а потому мы побеждали их без труда.

Однажды мы играли в королей и королев. Я лежала на лесном ложе, погруженная в зачарованный сон. Анри и Виктор, одолев множество испытаний, наконец нашли меня.

– Она прекраснее всех на свете! Сон, подобный смерти, сковал ее члены. Лишь любовь способна ее пробудить! – продекламировал Анри, вскидывая меч к небу. Потом он наклонился и поцеловал меня.

Я открыла глаза и обнаружила, что Анри потрясенно уставился на меня, как будто сам не верил в то, что произошло. На Виктора я смотреть не решилась. Я снова зажмурилась, не реагируя на поцелуй.

– Я подумал, что... я подумал, это ее разбудит, – испуганно пролепетал Анри.

– Она не спит. – Голос Виктора был ломким, как скованная утренним инеем трава. – Видишь? В ее жилах нет жизни. – Он приподнял мою безвольно повисшую руку. – Она мертва. Но мы еще можем отыскать пути, которым при жизни следовало битье ее сердца.

Виктор повел пальцем по голубым венам моей бледной руки до самого локтя. Рука дернулась от его прикосновения.

– Не шевелись! – прошептал он, заметив, что я приоткрыла один глаз. – Вот мой клинок; он острее и тоньше твоего меча. Посмотрим, течет ли кровь в ее безжизненном теле.

– Виктор! – В голосе Анри больше не было смеха. Он отнял у Виктора мое запястье и прижал к себе, вынуждая меня выйти из роли трупа. – Так нельзя!

– Всего один крошечный разрез, чтобы посмотреть, что находится под кожей. Неужели тебе не интересно?

Если раньше злость Виктора выливалась в неконтролируемую бурю эмоций, то на этот раз она была темнее и глубже и напоминала дно озера, холодное и непостижимое. Это была какая-то новая, незнакомая злость, и я знала, как с ней совладать.

– Элизабет не возражает. – Нож Виктора подмигнул на солнце, как будто тоже хотел участвовать в игре. – Ее интересует красота мира и поэзия, а я хочу узнать, что прячется под каждой поверхностью. Дай сюда руку, Элизабет.

Анри, чуть не плача, оттащил меня подальше.

– Нельзя резать людей, Виктор. Нельзя, и все тут!

Я не знала, куда смотреть и как себя вести. Но я знала, что, если останусь с Анри и поддержу его, в конечном счете это не принесет мне никакой выгоды. Кроме того, я могла навлечь на себя гнев Виктора. Никогда еще я не становилась его целью! Я с негодованием поняла, что Анри поставил меня в ужасное положение.

Я выскользнула из объятий Анри и кокетливо поцеловала Виктора в щеку, а потом взяла его под руку так же, как мадам Франкенштейн брала судьбу Франкенштейна.

– Это была только игра. А ты все испортил, когда поцеловал меня без спросу.

От Виктора исходил почти ощутимый холод, но лицо его, гладкое и неподвижное, как стекло, не выражало ничего.

– Мне надоели твои игры, Анри. Они скучные.

Анри, пытаясь сообразить, как так вышло, что виноватым оказался он, переводил взгляд с меня на Виктора; его доброе лицо горело обидой и непониманием.

– Анри не понимает, как надо играть в труп, вот и все, – сказала я. – Это наша с тобой особая игра. И вообще, мы для этого уже слишком взрослые.

Я посмотрела на Виктора, ожидая подтверждения своих слов – отчаянно желая его получить. Я должна была исправить положение. Я не могла потерять Анри. Он приносил в мою жизнь столько красок.

Виктор кивнул и бесстрастно поднял бровь.

– Наверное, ты права. В следующем месяце мне будет четырнадцать. На мой день рождения мы поедem на воды. Матушка тебе уже говорила?

Нельзя было, чтобы он ушел, продолжая злиться на Анри. Наш друг мог никогда больше не вернуться. Виктор нелегко прощал обиды. Годом ранее повар подал обед, от которого Виктору стало плохо. Целую неделю Виктор отказывался есть приготовленные им блюда, вынуждая родителей избавиться от повара и найти ему замену. Я не хотела, чтобы он избавился от Анри, пусть даже тот все усложнял.

Безмятежно рассмеявшись, я сжала руку Виктора и улыбнулась ему.

– Пожалуйста, Виктор, пригласи Анри и его родителей поехать с нами. Иначе вы с отцом будете пропадать на охоте, а мне придется сидеть дома с маленьким Эрнестом.

– Но ты говорила матушке, что любишь Эрнеста.

– Он только и делает, что плачет и мочит пеленки. Если меня оставят с ним, я стану самым несчастным человеком на свете! Я буду несчастна без тебя. Если Анри поедет, у тебя будет повод отказать отцу. И он сможет взять вместо тебя месье Клерваля.

Остатки гнева во взгляде Виктора наконец растворились.

– Конечно, Анри надо поехать с нами.

Продолжая улыбаться, я повернулась к Анри, и он с облегчением, хотя все так же смущенно, кивнул.

– Иди и скажи родителям, Виктор, – сказала я, – чтобы они рассчитывали на Клерваля. А я провожу Анри до лодки.

Виктор, сбросив гнев, как одежду, спокойно зашагал прочь.

По пути к пристани я держалась от Анри на некотором расстоянии. Мы были почти у озера, когда он взял меня за локоть, вынуждая остановиться.

– Элизабет, прости меня. Я не понимаю, что сделал не так.

Я беспечно улыбнулась. Улыбки были моей валютой. Другой у меня никогда не было. Мои платья, туфли, ленты – все это принадлежало Франкенштейнам. Мне одолжили их на время и так же временно позволили поселиться в доме на озере.

– Ты испортил выдумку Виктора. А ты знаешь, какой он обидчивый.

– Прости, что поцеловал тебя.

– Тебе не следовало так поступать. – Я поднесла пальцы к губам и обнаружила, что уже не улыбаюсь. – Большие никогда так не делай.

Его лицо выражало глубочайшее разочарование.

– Можешь ответить на один вопрос? Только честно. Я кивнула. Но я знала, что, какой бы вопрос он ни задал, я этого не сделаю. Честность была роскошью, которую я не могла себе позволить.

– Ты счастлива в этом доме?

Простой вопрос обрушился на меня, как удар, и я отшатнулась, как когда-то отшатывалась от кулаков опекуниши.

– Почему ты спрашиваешь?

– Иногда вещи, которые ты говоришь, похожи скорее на мои пьесы, чем на настоящие чувства.

– А если и нет, что с того? – прошептала я, улыбаясь, хотя улыбка причиняла мне физическую боль. – Что ты сделаешь? Что тут вообще можно сделать? Это мой дом, Анри. Другого у меня нет. Без Франкенштейнов у меня не будет ничего. Понимаешь?

– Конечно, я...

Я остановила его жестом. Он не понимал. Если бы он понимал, то не стал бы задавать такой глупый вопрос.

– Но я счастлива. Как я могу желать другой жизни? Ты такой странный. Мы видимся почти каждый день! Ты прекрасно знаешь, что я счастлива. И ты тоже счастлив в этом доме, иначе бы не приходил.

Он кивнул, но тревога не покидала его открытого лица. Смотреть на него было невыносимо, и я заключила его в объятия.

– Когда ты здесь, я счастлива еще больше, – сказала я. – Обещай, что никогда нас не бросишь.

– Обещаю.

Удовлетворенная его обещанием – потому что Анри, в отличие от меня, был честен, – я проводила его к лодке и радостно помахала на прощание. Я знала, что отныне мне придется быть осторожнее с ними обоими и тщательно сохранять равновесие. Я не хотела думать о том, что будет, если я потеряю любовь Виктора. Потерять любовь Анри было бы просто больно.

Но за свою жизнь я испытала достаточно боли. Я не собиралась лишаться Анри. Я собиралась использовать их обоих, чтобы себя защитить.

Анри спросил, счастлива ли я.

Я была в безопасности, а это было гораздо лучше счастья.

– Так кем вы приходите к нашему Виктору? – спросила Мэри Жюстину. Меня покорило это хозяйское «наш».

Жюстина оторопела: вопрос вырвал ее из молчания, в которое она погрузилась. Я держалась рядом с ней, но все равно ощущала между нами прореху, которую еще предстояло залатать.

Она задумчиво улыбнулась.

– Я работаю у Франкенштейнов. Я попала к ним в дом незадолго до отъезда Виктора, так что я не очень хорошо его знаю. Но я присматриваю за его братьями. Старшему, Эрнесту, одиннадцать. Он такой славный мальчик! Очень умный, и, хотя он уже может обойтись без гувернантки, все равно меня слушается. Он хочет поступить на военную службу. Мне страшно от одной мысли об этом, но когда-нибудь он станет настоящим храбрым солдатом. А малютка Уильям! Такая душка! На щеках у него прелестные ямочки, а кудряшки мягкие, как пух. Боюсь, без меня он плохо спит. Обычно я каждый вечер пою ему колыбельные.

– Уильяма сложно назвать малюткой, – заметила я. – Ему почти пять. Ты его балуешь.

– Такого чудесного ребенка невозможно избаловать! – Жюстина бросила на меня самый суровый из всех взглядов, на какие только был способен ее кроткий характер. – Вы еще скажете мне спасибо за мою любовь к детям, когда у вас появятся собственные малыши и я буду их нянчить.

Я рассмеялась от неожиданности этого заявления и с облегчением почувствовала, как тяжесть в груди, которая к этому моменту стала почти невыносима, ослабла.

– Если у меня и появятся дети, у тебя к тому времени уже будут свои, и мы станем растить их вместе, как кузенов.

Из горла Жюстины вырвался странный звук. Я ощутила укол вины и подумала об Анри и о том, что его отъезд может означать для тайных надежд Жюстины. Я поступила эгоистично. Я это исправлю. Я взяла ее под руку и притянула к себе.

– Жюстина – лучшая гувернантка на свете; мальчики Франкенштейнов ее боготворят. Привести ее в дом было лучшим, что я для них сделала.

Жюстина залилась румянцем и опустила голову.

– Больше всего добра ваш поступок принес мне.

– Ерунда. Жизнь любого мигом становится лучше, когда в ней появляешься ты.

Мэри рассмеялась.

– Не могу не согласиться! Вы уже спасли меня от одинокого вечера в окружении книжной пыли. И привели меня в столь благоустроенное место...

Она указала на скопление кирпичных зданий на берегу реки. Едва успев сойти с моста, мы почувствовали исходящий от них смрад, усиленный сыростью. Где-то неподалеку располагалась сыромятня, и запах навоза и мочи атаковал наши органы чувств. Мы быстро зашагали вдоль домов. Вонь сыромятни притупилась, сменившись застарелым запахом крови с острым привкусом металла. По всей видимости, рядом была скотобойня.

– Все, что нужно городу для выживания, но что он предпочитает не видеть – и не чувствовать, – сказала Мэри, осторожно обходя загадочную бесцветную лужу. У одного из зданий на углу мы увидели пару мужчин с голодными взглядами. Между ними стояла женщина средних лет в блузе с вызывающе глубоким вырезом. Она не столько завлекала, сколько наводила уныние, но предназначение заведения было очевидно.

– Почему Виктор поселился в таком месте? – испуганно спросила Жюстина, придвигаясь ко мне поближе. Несмотря на угнетающую обстановку, облегчение придало мне сил. Все будет хорошо. Жюстина наверняка меня уже простила.

Мэри перешагнула через распростертого на земле мужчину, который, *скорее всего*, просто перепил и теперь отсыпался, а вовсе не умер, хотя никто из нас не потрудился проверить.

– Люди селятся здесь по разным причинам. В городе тесно, а тут места хоть отбавляй. Арендная плата в этой части города невысока из-за запахов и удаленности от центра и университета. – Она пожала плечами. – А еще сюда стремятся те, кто не хочет, чтобы их нашли.

– Виктор от нас не *прячется*, – перебила я. – Он гений, а потому несколько беспечен в том, что касается средств к существованию и отношения к жизни. Большинству людей этого не понять.

– Тогда ему повезло, что у него есть вы. Раз уж вы его понимаете.

– Еще как понимаю. – Я изогнула бровь; она ответила улыбкой, которая привела меня в бешенство.

– Мне кажется, вам понравится Анри, – сказала Жюстина задумчиво. – Он совсем не похож на Виктора. Он любит разные истории, языки и поэзию.

Я сжала руку Жюстины.

– Я не сомневаюсь, что Мэри понравился бы Анри, потому что Анри нравится всем.

Анри *нравился* всем. После его последнего письма я была уверена, что Виктор в число этих людей больше не входит. Как и я. Он подвел нас всех.

– Мы пришли.

Мэри остановилась, и мы с Жюстиной повернулись, чтобы посмотреть.

Здание, притулившееся у самой реки, было настолько уродливым и бесформенным, что я не могла поверить, что Виктор согласился здесь жить. Само существование подобной постройки, напоминающей скорее нарост из камня и кирпича, чем архитектурное сооружение, оскорбило бы его чувства. На первом этаже окон не было – и на втором, насколько я могла судить, тоже. Лишь под самой крышей виднелся узкий ряд окошек. На крыше я заметила распахнутое в небо окно. Глупо: на улице шел дождь. От крыши к реке шел странный закрытый желоб.

– Постучим? – с сомнением спросила Жюстина.

– Не след вам туда ходить.

Мы втроем подпрыгнули от неожиданности, услышав за спиной пьяное бормотание. Мужчина из канавы – живее всех живых, хотя пахло от него так, будто он провел в объятиях смерти немало долгих часов, – покачиваясь, стоял позади нас. До этой минуты я и не подозревала, что человеческое тело способно удерживаться под таким углом без опоры.

– Прошу прощения?

– Дурное место.

Я не собиралась тратить время на пьяниц. Тем более теперь, когда от Виктора меня, возможно, отделяла одна дверь.

– Насколько я могу судить, весь этот квартал можно назвать дурным местом. Не вижу причин выделять это здание особо.

– Я вам расскажу секрет.

Мужчина сделал несколько неверных шагов по направлению к нам. Изо рта у него разило, как из невымытого ночного горшка. Отступить мне было некуда: с одной стороны была Жюстина, с другой дверь. Я шагнула ему навстречу, загораживая собой Жюстину. Он поманил меня пальцем.

Один глаз у него был затянут бельмом. Спутанная борода росла клочьями, кожа под ней была покрыта красными и лиловыми пятнами. Он провел языком по уцелевшим зубам; глаза его бегали туда-сюда, как будто он опасался, что его могут подслушать.

– Ну? – поторопила его я. Он придвинулся еще ближе.

– *Чудовища!*

Я испуганно вздрогнула, а он хрипло расхохотался, довольный своей шуткой. Он шагнул назад, и я поняла, что сейчас произойдет: позади него лежало несколько кирпичей, а за ними берег резко уходил вниз.

Я не стала его предупреждать.

Он споткнулся о кирпичи и, потеряв равновесие, замахал руками, как ветряная мельница. Еще секунда, и я с удовлетворением услышала тяжелый всплеск.

– Боже мой! – Жюстина в ужасе зажала рот ладонью. – А вдруг он не умеет плавать?

– Он упал у самого берега. – Я отвернулась, не обращая внимания на отчаянный плеск. – Уверена, он найдет, за что зацепиться. И потом, только послушай, как он ругается. Для чело-

века, которому нечем дышать, он слишком красноречив. Ничего с ним не случится. И ему полезно окунуться – может, избавиться от дурного запаха.

Злая, усталая и полная решимости покончить с этим делом, я потянулась к железному дверному молотку – и, вскрикнув от боли и неожиданности, отдернула руку. Через кружево перчатки меня ударило током. Я потрясла рукой, чтобы избавиться от ощущения вонзившихся в пальцы иголок, и шагнула в сторону, уступая дорогу Мэри, на которой были куда более практичные кожаные перчатки.

Дверная ручка повернулась.

Дверь открылась.

– О нет, – прошептала я.

Глава седьмая

Ночь древнюю и хаос я воспел

Я выбросила руку в сторону, загородив дорогу Жюстине и Мэри.

– Это может быть опасно. Подождите здесь.

Внутри стоял все тот же застарелый запах крови. Но не он один. Пахло чем-то тухлым. Я задохнулась и, с трудом сдерживая рвотный позыв, зажала нос и рот ладонью.

Передняя – если ее можно было так назвать – была усыпана вырванными из книг страницами. Взгляд Мэри зацепился за них. Я же не сводила глаз с двери перед нами. Приставная лестница у стены вела к люку на второй этаж. За скособоченной дверью справа от нас виднелась грязная уборная. Единственным источником освещения был приглушенный дождем дневной свет, который вместе с нами медлил у открытой двери, словно не желая идти дальше.

– Если это может быть опасно, нам лучше держаться вместе. – Мэри наклонилась, чтобы разглядеть страницы на полу.

Я присела и подобрала пустую обложку распотрошенной книги. Я узнала ее. Это была философия алхимии, которой Виктор зачитывался во время нашей поездки на воды. И потом, я знала Виктора. Я волновалась не за Мэри и Жюстину.

Я волновалась за *него*.

– Что это там? – Я указала на улицу. – Он уже выбрался из реки? Кажется, ему нужна помощь!

Жюстина и Мэри кинулись наружу.

Я захлопнула за ними дверь и задвинула засов.

– Жди здесь, – сказала я Анри. Что бы нам ни предстояло сделать, он для этого не годился. Потому что я узнала вопль: кричал маленький Эрнест. Которого мы оставили внизу с Виктором, пока нянька спала, а взрослые уехали в город. Из-за дождя нам приходилось маяться со скуки в загородном доме. Прихватив Анри, я поднялась наверх из порочного любопытства, в надежде, что случится что-нибудь интересное.

Эгоистично. Глупо.

Анри прижал меня к себе крепче.

– Но...

Я оттолкнула его, выбежала из комнаты и заперла за собой дверь. Спотыкаясь, я бежала по лестнице и, влетев в кабинет, потрясенно уставилась на открывшуюся мне сцену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.